

Наоборот

Псарня

Асано Изнори, чиновник без должности

Если верить летописям, то прежние Властители Земель выслушивали подданных во дворцовом приёмном зале, у ворот, в походной ставке, а бывало, и в святилище. Государь, при чьём правлении я родился, приглашал для беседы в сад. Отрекшийся ныне государь Унрин готов был слушать доклады где угодно, лишь бы покорооче. Нынешний владыка Облачных островов велел:

— Пойдём на псарню!

И полетел, только поспевай за ним.

Есть примеры древних царей, кто с восьмерыми мог толковать одновременно. Государь Сайфу — первый в своём роду, чьего внимания хватает на пять-шесть человек и дюжину собак. И не берусь сосчитать, на скольких ещё богов.

Псарня и сама подобна святому месту. Веревоочные сетчатые перегородки — ибо дерево и бамбук жевать молодыми зубами не полезно. Свежее сено, луговая трава из ближних окрестностей Столицы. Белые псы. Известно: скверна к ним не пристаёт, хотя мёртвые кости тут тоже валяются, будто в преддверии преисподней. На самом деле царские собаки нужны, чтобы поглощать всё нечистое, затем их и держат во дворце.

Сбежались, обнюхали. Старшие меня помнят, молодые сегодня выучат. Не знаю, отличают ли они по запаху родню Властителя от прочих двуногих.

От меня, наверное, воняет. Храмовым дымом или перегаром. Хорошо хоть — платье новое, без должностных различий. Человеку из Конопляного дома Асано допустимо являться к государю одетым в неуставное.

Властитель сам раздаёт по порядку, кому какая в этот час положена еда. Собаки вьются вокруг него, и у Сайфу рук хватает на каждую. Потом он устраивается, развалясь, на куче сена, раскидывает пошире пятицветные рукава. Псы забираются, кто на красное, кто на жёлтое, зелёное, чёрное или белое. Садись, — кивает он мне.

Я не знаю, про что он спросит. О приёме я не просил.

— Тебе дед велел уволиться из Облачной рощи?

Вот как. Стало быть, речь о моих родовых делах. Однако — не о наших общих, насколько возможно разделять дела двух родов, Облачного и Конопляного. Государеву бабушке, начальнику над писцами и сыщиками, не с чего было смещать меня: под его началом я числился совсем недолго и давно, а распорядители храмов ему не подведомственны. Иное дело — мой дед, глава Обрядовой палаты.

Сайфу вообще-то запросто величает старшего Асано прадедушкой, когда хочет. Но не сейчас.

— Я попросился в отставку, Конопляный господин не возражал.

— А почему?

Поди пойми, к которой половине ответа относится вопрос.

— Смею предположить: не увидел в том урона для Облачной рощи.

Жила же она как-то раньше без распорядителя-мирянина.

— Есть распорядитель, нет распорядителя — дела шли примерно одинаково?

— Да. Своим чередом

Усмехается:

— Об обители это говорит хорошо...

— А обо мне дурно. Для пустышки я слишком много суетился.

— Это суждение тамошнего начальства? Или кого-то из насельников?

Во дворце нельзя говорить: настоятель, монахи, храм... Нечистые слова.

Досточтимый настоятель не давал оценок моим хозяйственным способностям. Даже когда звонница рухнула. И когда я откопал лишний колокол. Выставить меня из храма мог бы наставник Унрин, отрекшийся государь, — я ведь за ним туда увязался. Якобы обитель, где он монашествует, нуждается в мирском смотрителе по хозяйству. Иначе не управится с наплывом приношений.

Было бы так, кабы в пору своего правления государь Унрин расплодил вокруг себя льстецов, укрепил бы подданных в мысли, будто царственной особе надо угождать. Он же добивался — и добился — прямо обратного: единственный льстец при нём, кажется, был я. И во дворце, и в храме потом.

Так мы и упражнялись много лет: он в холодности, я в навязчивости. Состязались в упрямстве, и он победил.

— Суждение – моё. Мне надоело.

— А вот это хорошо! – отзывается Сайфу, глядя, впрочем, на щенка, которого сейчас тормозит. Тот справедливо принимает похвалу на свой счёт, тычется носом государю за пазуху.

— Сама по себе суета не плоха, — продолжает Властитель Земель, — главное, чтоб она была к месту.

И добавляет, взглядывая поверх щенячьей спинки:

— Всяко лучше, чем пьяное безделье.

А вот это, пожалуй, государю на меня наговорили. Когда пьян, я ещё как деятелен. Хотя – к месту ли...

Не справился, в который уже раз. На должности храмовника успехов не снискал, так же, как в своё время на месте жреца. Не добился от государя-монаха не то что доброго чувства – хотя бы уважения, признания заслуг... И в семейной жизни сплеховал, а ведь жена была даже не ровня — дочка служилого. Родила, да не от меня, пришлось расходиться. И кто бы при такой жизни не запил?

— Мне нет прощенья, — склоняюсь я головою в сено.

Государь не обращает внимания, продолжает рассуждать:

— Издавна считается: исправный чиновник хорош на любой службе.

Следуя этому завету, имеем ныне много бестолковых людей, каждый не на своём месте. Необходимо сообразоваться с сердцем каждого! Я не желаю, чтобы мои родичи подавали другим пример, удаляясь от дел в двадцать пять лет.

О, да. Особенно гадко будет, когда меня как образец предъявят самому Властителю Земель. Ступай, скажут, вслед за дядей на покой: наследника завёл, поцарствовал — и хватит...

Сайфу задумчиво поглаживает щенка.

— Строитель дорог из тебя не выйдет, я думаю. Усмиритель дикарей — тоже едва ли. А сам ты куда хотел бы?

Куда подальше. На материк, к китайцам, а лучше в Индию. Изучить, как устроено храмовое хозяйство на родине Просветлённого. Или, говорят, за Индией есть ещё какие-то земли...

В монахи ты меня, кажется, не отпустишь.

— Чего хотел бы... Присматривать за священными сосудами, пожалуй.

Сайфу морщится.

— Я серьёзно. Почему из меня не получился жрец, при всех-то дедовых стараниях? Мне любопытны, страшно сказать, не сами боги, а

чудеса. Точнее, люди — сосуды для божьей силы. Всякие одержимые, не важно, числит их таковыми или нет Обрядовая палата. И самому от себя мне за последние годы не было тошно — только в те несколько дней, когда со мной был Облачный Богатырь.

Властитель Земель кивает. Пока молчит.

— Но этакое любопытство мало чего даёт. Обучать вещей дев — я не возьмусь. Учёный при святилище, летописец чудес? Не уверен, не припишу ли лишнего. Толкователь знамений? То же самое: чтобы этим заниматься, нужно спокойнее относиться к чудесам.

— А если не толкователь, а собиратель? Толкуют пускай другие.

Собиратель чудес на свою голову — это бы ладно. Я не уверен, что своюю ограничусь, вот в чём беда.

— Боюсь, даже для этого я слишком пристрастен.

Самое грустное, что и государь мой Унрин мне не был нужен сам по себе. То и привлекало, что он — человек и бог в одном теле, человек, который побывал богом и не сошел с ума. Если бы я надеялся повторить ещё раз, без прежних ошибок, — я, наверное, сейчас таскался бы за тобою, государь-племянник. Но ты же видишь, я воздерживаюсь. И всё же, если искать мне места, то лучше — не по склонностям.

— Вся беда твоя, Конопляник, что ты человек богобоязненный. Боишься.

— Да. Боюсь улететь — туда, на божью сторону, насовсем. Ещё больше боюсь кого-то утащить за собой. И совсем не хочу, чтобы из-за меня кто-то улетел, а я остался. Ежели так, то впору правда отойти от дел. Вернее, лучше было бы никогда за них и не браться.

Государь щурится:

— А когда ты по трое суток сидишь недвижимо и едва дышишь — не боишься?

Да! То есть наоборот.

— Именно когда особенно боюсь, у меня эта штука и удаётся.

Властитель Земель осторожно отсаживает щенка, тихонько сталкивает с полы облачения самую увесистую собаку. Но говорит со мною, не с ними:

— Да нету той и этой стороны. Это только Подгорцы так думают, для которых боги только в зеркале видны. Стал бы Великий Властитель земли вокруг себя стягивать, чтоб потом от их обитателей отгораживаться каким-то рубежом! И другие боги — так. Правда.

Одним движением взлетает на ноги — не распугав собак, не потревожив ни одной сухой травинки. Молвит:

— Ладно. Кажется, я знаю, что тебе показать.

Благоприятен северо-восток

В последние несколько лет для молодого господина Иэнори посещение главной усадьбы Асано означало поход почти через весь город, с Восьмой улицы на Первую. А то и вовсе путешествие из-за городской стены, из храма Облачной рощи. Иное дело теперь: двор перейдёшь — и предстанешь перед дедом. Жизнь в отставке имеет свои приятные стороны, только вот некогда по пути обдумать: зачем дедушка, собственно, вызывает младшего внука?

Дом на Восьмой улице на самом деле Асано-младшему никогда и не принадлежал, хотя «господином с Восьмой улицы» его звали долго, а некоторые и сейчас так именуют. Поселили его там, чтобы он как человек, сведущий в Законе Просветлённого, отвадил оттуда неправо верующих почитателей подвижника Мироку. Решение не должностное, но

родственное, ибо хозяин дома — брат мачехи Иэнориной супруги — в ту пору пребывал в посольстве за морем. Изуверов на Восьмой давно не осталось, зато по возвращении посла развелись китайцы. Не верящие, кажется, вовсе ни во что, разве что в ловкость собственных рук. Самого приличного из китайцев, живописца и писаря, господин посол взял в приёмные сыновья, зачислил на службу в Государево книгохранилище, которое теперь возглавляет. Этого же искусника молодая госпожа с Восьмой улицы взяла в мужа: по любви, толком ещё не разойдясь с младшим Асано. Сама она — урождённая Намма, из младшей Конопляной родни, и конечно, служилый, пусть и иноземец, ей скорее ровня, чем вельможная особа вроде Иэнори. Хотя до поры вроде бы неплохо ладили...

Асано-внук помедлил, дождался, пока жена родит — не терять же внеочередного отпуска, положенного по случаю родильной скверны в семье, — убедился, что и супруга, и дитя вроде бы здоровы, и вернулся в Облачную Рощу, на службу. Отходил туда два-три дня, да и подал в отставку. И вернулся в Столицу — но уже не на Восьмую, а на Первую улицу.

Старый господин Асано внука в дом принял, но доселе беседы не удостоивал. Хотя и был, несомненно, извещён: недавно Иэнори встречался с Государем и что-то Властитель Земель ему пообещал. Что именно, внук и сам не взялся бы объяснить, не понял.

Как во всех усадьбах знатнейших семей Столицы, приёмная здесь — почти дворцового вида: зеркальные половицы, красные столбы, расшитые занавеси. Сюда-то, а не в личные покои, глава Конопляного дома и пригласил бывшего мирского распорядителя Облачной рощи. И сам предстал не в домашнем платье, а в белом облачении жреца, первого человека в Обрядовой палате. Принял поклоны и приветствия, указал, где сесть.

Приподнял седые брови и молвил:

— Почему-то я не получил твоего прошения о переводе на новую должность. Не затерялось ли?

— Дерзну уточнить: об отставке.

— Конопляники в отставку не уходят, — отвечал дед.

В Столице эту черту дома Асано упоминают скорее как неприятную. Впрочем, из четверых ныне живых сыновей, восемнадцати внуков, шестерых уже взрослых правнуков, двух десятков племянников и трёх примерно сотен младших служилых родичей — действительно, отставных, кроме Иэнори, сейчас нет ни одного. Некоторые по нездоровью ушли в монахи, но и в храмах по-прежнему радуют о благе державы.

— Я верю, — продолжает старик, — что ты и в Облачной роще не прижился...

Точно так же, как прежде в головной Обрядовой палате и в Полотняном приказе. Увы! — внук склоняется покаянно.

— ...Но не всерьёз же ты намеревался остаток жизни посвятить домашним радостям? Чему особенно радоваться-то? Я-то ждал, ты мне правнука обеспечишь, а его Полынники, можно сказать, из-под носа увели...

В самом деле, жениного сына своим Иэнори не объявлял. А китаец объявил, стало быть, мальчик теперь — внук господина книгохранителя, младший родич Полынного дома.

Вчуже подумает: велика ли разница, тридцать восемь правнуков у человека или тридцать девять? Надобно, должно быть, самому дожить до преклонных лет, чтобы понять такие чувства.

— Пусть младенец себя покажет, — отзывается внук. — Если проявится наша порода...

Сомневался бы молодой Асано, не его ли это дитя, — признал бы как сына сразу. Увы, иначе как чудом такое статься в целомудренном супружестве не могло, а чудес он как жрец у себя на Восьмой улице не наблюдал.

— Ещё бы ей не проявиться, — обрывает дед. — Конопляной породы в нём всяко не меньше половины. Но уж уступили так уступили, не обижать же теперь Полынников.

Старик с сожалением качает головою. Перекладывает веер из руки в руку. Говорит:

— Итак, о твоём новом назначении. Из Обрядовой палаты ты не отчислен. И не надейся. Будешь пока для особых поручений. Раз ни на что постоянное не годишься.

Да. С двенадцати своих лет и до недавних дней, больше чем полжизни, Иэнори пытался состоять при двоюродном брате, прежнем Властителе Земель. Во дворце или в храме, по должностной обязанности или вопреки оной, на положении то ли наперсника, то ли порученца на побегушках... Но с этим покончено, и похоже, дед это признаёт.

— Я тут про тебя удивительную вещь узнал, — говорит старший Конопляник. — Оказывается, для тебя благоприятен северо-восток. Вот ни для кого не благоприятен, а для тебя... Поди ж ты!

Он гадал и ему так выпало? Или дед договорился, чтобы Иэнори взяли на военную службу в дальнюю крепость? Или проще: всё-таки монашество, но не где захочешь, а на горе Эй, что прикрывает Столицу с северо-восточной стороны.

— И поручение в тех краях для тебя есть. Не очень далеко, на Подступах. В том уезде, где хозяйничает наш Нарифуса. На Водопадах.

Конопляник не просто расплодил вокруг себя столько родни, что мог бы заселить целый город. Он ещё всех их знает по именам! У младшего Асано глаза под скромно опущенными веками бегают влево-вправо, будто он мысленно прокручивает свиток с перечнем земель и уездов Облачной страны. Но Водопадов, конечно, нельзя не знать: тамошнее святилище ежегодно получает дары от Государева двора.

Нарифуса жрецом при Водопадах быть не может, там хозяйничает всегда пара, жрец и жрица. Он, видимо, представляет мирскую власть. А как бишь зовут святилищную пару? Старец Акидзанэ и его сестра, вроде бы так. Но если бы дело было к ним, дед бы так и сказал.

Конопляный господин продолжает:

— Есть там две обители. Обе жалобами изошли друг на друга. И добро бы последовательно жаловались, на одно и то же... А у них в каждом письме новая обида. Наставники отказывают ученицам в надобных обрядах. Ученицы не допускают наставников к исполнению уставных заповедей. Наставники на учениц науськивают разбойных мирян. Ученицы совращают наставников ко греху.

С тех самых пор, как Просветлённый разрешил своей приёмной матери основать женскую монашескую общину, монахи с монахинями ссорятся примерно по этим поводам. Что необычно в нынешнем случае?

— Из последних писем вообще выходит, будто женская обитель заперла водосток и разоряет окрестных земледельцев. А в мужской власть захватил то ли оборотень, то ли заморский колдун. То ли вражья сила прямо из Индии.

Дед щёлкает веером, слуга вылезает из-за занавеса, подаёт Иэнори ларец.

— Грамоты тут, — молвит глава Обрядовой палаты. — Ознакомься, поезжай и разберись.

Задача

Асано Иэнори, чиновник для особых поручений

— Господин, а я не понял: далеко вообще до этих Приступов?

— Подступов. Еще дней семь, если нигде не застрянем.

— Ну, и если разбойники не нападут!

Еду я без охраны, всей свиты — отрок Сандза двенадцати лет. На заставе при въезде в Озерный край нас уже задержали было. Не может, дескать, чиновник для особых поручений, да из жреческого дома, путешествовать столь скромно. Пришлось объяснить: новые времена, велено блюсти бережливость во всём. Государева воля!

За последние пять-шесть лет я не слышал столько рассказов о разбое, сколько за три дня пути от погонщика Сандзы. Особенно тревожит его некто Барамон, головорез с индийским именем и славой вплоть до Столицы. Говорят, благочестивый, грабит только неправедных, а добычу раздаёт бедным. Лицом ужасен, впрочем, настоящее его обличье никому не ведомо. Обидно! Сложись всё иначе, может быть, сейчас самым знаменитым разбойником Облачной страны был бы удалец по прозвищу Селезень, отец моего погонщика. Но Селезня в своё время Конопляный господин пристроил к другому делу. А теперь вот и сын его служит дому Асано.

Любопытно, откуда на устах у здешних жителей Индия. В письмах монахинь из той обители, куда мы едем, тоже говорится: настоятеля соседнего храма подменил загадочный индеец. Ему бы более пристало имя «Барамон», что на наречии Просветлённого означает «жрец» — приносящий кровавые жертвы идолам и враждебный Закону. Монахинь этот настоятель или лженастоятель довёл до полной крайности, так что они вынуждены затворить свои ворота для наставников из мужской обители, а значит, не могут совершать покаяние и прочие обряды помимо чтения святых книг.

В иноземные козни я не верю, но по своему храмовому опыту знаю: одному монаху выдать себя за другого не так-то сложно. Хотя грамоту о посвящении строго запрещается передавать другому лицу, но — передают, обманом вымогают, крадут, забирают после кончины монаха... В окрестностях Столицы мне самому предлагали не задорого купить чью-то грамоту, ежели я хочу скрыться под монашеским плащом. Однако настоятель — другое дело: чтобы возглавить храм, надо иметь предписание Обрядовой палаты. Точно известно, что в последние годы к Водопадам на эту должность никого не назначали. Старого настоятеля должна знать в лицо вся община и соседи-миряне, притвориться им мог бы разве что и вправду колдун. Если же старого сместили-таки, то есть в обитель прибыл самозванец с поддельным предписанием...

Перед отъездом я зашёл посоветоваться к бывшему своему тестю, сыщику Намме из Полотняного приказа. Грехи монахов на Подступах, если верить тамошним же монахиням, и наоборот, грехи монахинь в изложении монахов, не сводятся к нарушениям устава и обрядовым неурядицам. Укрывательство краденого, устройство в заброшенных молельнях разбойных логовищ, порча плотин и каналов. Обе обители, как и в других местах в Облачной стране, расположены в горах, там, где уже не расчистишь места для полей. Вода, прежде чем дойдёт до крестьян, протекает через храмовую землю, и устроить либо засуху, либо затопление проще всего как раз там. В общем, если хоть отчасти доносы правдивы, то должны были поступать жалобы на то же самое и в другие ведомства, а не только в Обрядовую палату. Если там к ним прислушались, Полотняный приказ должен был начать разбирательство... Возможно, и начал, и уже завершил, только дед мне о том ничего не сказал.

Явился я к среднему советнику Намме в неслужебные часы, но дома не застал — тот отправился на Восьмую, к дочери и внуку. Я решил обождать. Тем более что мне сразу нашли дело: у трёхлетней моей свояченицы — тоже бывшей, конечно, — потерялась собака, и весь дом её искал. Гостю тоже пришлось поучаствовать. Пёс обнаружился в воловьем стойле, мирно спал. Девочка возопила, что бедняжка заболел, растормошила, пёс попытался и впрямь сбежать... В общем, время до возвращения господина Наммы прошло быстро.

Выяснилось: ничего подобного о монахах с Водопадав в Приказе неизвестно. Жалобы на грабежи поступали, но занимались этим, похоже, миряне, и местные власти обязались обуздать их сами. Что же до настоятеля...

— Лет десять назад мне довелось расследовать дело о подмене — и даже не монаха, а наместника в одной из отдалённых земель. Наместник оказался настоящим, но безобразий мы там выявили немало...

Сыщик надолго замолчал, потом спросил:

— Значит, отправляешься в те края?

— Видимо, придётся, — сказал я.

— Тогда не отвезёшь ли туда письмо? На Водопадах ведь живёт наша родня, из северной ветви. После того, как был сослан младший советник Хокума, я им написал, ответа не было. Может, послание не дошло, а может... Хотелось бы знать: не нуждаются ли в помощи, и вообще...

Разумеется, письмо я взял. Читать не стал, да я и без того знаю, что господин средний советник имеет сообщить родне своего бывшего лучшего сослуживца. Что сожалеет, что был непростительно небрежен, вовремя не распознал, не заметил, не принял мер. Что по сути вся вина на нём, Намме. И так далее.

Дело об изуверах с Восьмой улицы по итогам выглядит так: в усадьбе в отсутствие хозяев собирались миряне, извращённо толкующие Закон Просветлённого. Ожидали пришествия подвижника Мироку и начала нового века, нынешний же именовали «последними временами» и всячески поносили. Более того, собственными делами усугубляли всеобщий, как они верили, распад и разлад. Доходило до поджогов и убийств, сыщик Хокума вёл расследование вместе с Наммой, пока не выяснилось, что Хокума сам принадлежит к той общине. Средний советник вызвал младшего к себе домой для личной беседы, тот напал на начальника, но был схвачен. Увы, при моём участии: я имел глупость вмешаться, не понимая, к чему клонит тесть. А Намма собирался родича отпустить. Дать ему сбежать, а может, и лично устроить побег.

Это всё было четыре с лишним года назад. С тех пор в Столице недоумевают, как мог младший советник, служивый родич дома Асано, связаться с изуверами. Был-то из лучших Полотняных чиновников, разве что порой расширительно толковал служебные полномочия, да ведь в Приказе это не редкость... Жил, правда, замкнуто, всего с одним слугою, женат не был, столичным заданиям предпочитал выездные. Был вроде бы искусным бойцом на саблях, но на стрелковых состязаниях не блистал. Неплохо разбирался в монашеских книгах, стихами же не славился. В общем, ничего не делал, чтобы его заметили при дворе. Но это всё простительные странности, до изуверства и убийства от них далеко.

Не знаю, как насчёт сабельного боя, а в рукопашной драке в тесном помещении этот мой младший родич был мастер. Едва меня не убил тогда у Наммы. Но что гораздо хуже — я едва не убил его, с собою не совладал. А тем, кто носит прозвание Асано, нельзя допускать такого — скверна ляжет на весь дом. Сколько раз я в юности грозился: вот возьму и устрою всем вам смертное осквернение... А когда чуть было не устроил, вовсе этого не хотел.

Дела обряда превыше должностных преступлений: Хокуму и его слугу раненных притащили на Первую улицу, в Конопляную усадьбу. Хоть и не наихудшая, а всё равно скверна, кровопролитие в родственном кругу. Очищение совершал сам дед, а потом распорядился сослать Хокуму в имение: за несвоевременный доклад о нечестивой общине и должностное самоуправство. Обвинения сравнительно мягкие, однако до Подступов, до родительского поместья, бывший сыщик не доехал. Говорят по-разному. Или что Конопляник распорядился о тайной казни по дороге. Или что ссыльный погиб при нападении разбойников: охрана отбивалась, а Хокума не мог, был без оружия и ещё не оправился от ран. Или что он покончил с собой, не перенес позора. Или даже — ему позволили скрыться, ибо нельзя разбрасываться столь даровитыми людьми. И Хокума будто бы до сих пор тайно служит Коноплянному дому, а что его никто не видел, так не мудрено: сыщик этот и прежде неплохо умел действовать под чужой личиной... Господин Намма, кажется, в его гибели не сомневается.

Родителей Хокумы уже давно нет в живых. На Подступах служит его зять, муж сестры. С ними предстоит объясняться мне — за Конопляный дом, а не только за собственное моё буйство. Передать письмо от Наммы — пожалуй, не худшее начало для разговора, да даже если письмо и потерять, явиться к ним придётся. Если прежде меня на дороге не встретят друзья-соседи и преданные крестьяне Северной ветви нашего дома. Дайте боги, чтобы они с вопросов начали, а не прямо с отмщения, и чтобы Сандза сообразил убежать.

— Господин! Надо бы на заездем дворе поосторожнее. Ты каждый раз укладку с бумагами так бережно несёшь... Любой подумает: там сокровища! И шепнёт кому надо, а тот к разбойникам побежит.

— Хорошо, Сандза. Понесёшь её ты. Постарайся не потерять.

— Обижаешь, господин!

Я уж опасался...

Кто хочет видеть Подступы — тому лучше всего взобраться повыше на склон Белой горы, за два дня до Водопадов, если ехать от Столицы. Очень красиво — снежная вершина, ещё зелёный лес, красный кустарник, рыжая солома, чёрные поля, жёлтые домики. Но чтобы разглядеть всё это в подробностях, стоит спуститься и подойти поближе.

С заставы уездного начальника известили: едет его столичный родич, чиновник для особых поручений. Всего пара лошадей, один свитский, но сам чиновник страшен: бледен как мертвец, выглядит зловеще — не иначе как собирается наводить порядок безжалостной рукой. Уездный начальник вздохнул, помолился и стал готовить почётную встречу.

Как обычно, предупреждения оказались несколько преувеличенными. То есть действительно две лошади — верховая и грузовая, мальчик-погонщик, но сам вельможа выглядел не так уж грозно. А что на лице его запечатлено страдание — так оно и понятно, если не привык по горам верхом ездить, но виду подать не хочешь.

Обменялись приветствиями, двинулись в дом — причём приезжий чиновник успел отобрать у своего мальчишки какой-то короб, который тот хотел было утащить. Уже вводя гостя на крыльцо, уездный начальник услышал, как погонщик деловито осведомляется у местного конюха:

— А как у вас тут с конокрадами?

За обедом беседовали о столичных новостях — и они тоже оказались менее страшными, чем по слухам. Впрочем, привези молодой господин

Асано указ о немедленном смещении уездного — он бы и угощения не принял. Когда столики унесли, приезжий перешёл к делу.

— Я, собственно, прибыл по приказу Обрядовой палаты. Из здешних обитателей поступают жалобы...

Длинное лицо уездного начальника ещё больше вытянулось:

— Неужели — на мирские власти? А ведь Закон Просветлённого запрещает ложь и клевету!

— Нет, в письмах разве что намёки на бездействие местных властей. В остальном досточтимые хулят друг друга — что, впрочем, также запрещено Законом. И хула их противоречива, хотя не берусь пока судить, вследствие лжи или же заблуждения.

— Одно другому не мешает, — отметил уездный. — Я уж опасался — что-то новое... А таких жалоб и у меня уже толстая стопа скопилась. Всё добиваются, чтобы я превысил полномочия, произволом вмешиваясь в дела общины. Не дождутся.

— Могу ли я взглянуть и на эти бумаги — для сравнения?

— Сколько угодно! Немедленно распоряжусь доставить их в покой, где, надеюсь, изволишь расположиться. Там чтения — на полночи.

Несколько успокоившись, Нарифуса улыбнулся уже не учтиво, а насмешливо; добавил:

— Можно ли представить: винят друг друга в наведении великой суши! За всё время, что я тут служу, хвала богам, ни одной настоящей засухи не было, край сей воистину благословен!

— А как насчёт затоплений? — полюбопытствовал молодой господин Асано.

— Было однажды — так это сами они с затвором плотины и не управились.

— А кто именно? Из которой обители?

Уездный начальник хмурится:

— Легко ли разобрать? Затвор — на земле монахинь, но отвечают за них всяко монахи. И не то чтобы очень толково. Тогда, видишь ли, чтобы исправить неполадку, пришлось всех женщин из того храма временно переводить в старый скит — есть тут такой, повыше. Суеты было — больше необходимого, я бы сказал. А после ещё пришлось убеждать самих наставников, чтобы они не лезли и не доломали затвор окончательно, а обратились к знатоку. Благо таковой тут есть — родич наш Мидзуно, зять старого Хокумы.

То есть — муж сестры молодого Хокумы из Полотняного приказа. Тот самый, кому Иэнори везёт письмо. Но это потом.

— И что же, починили?

— Да, там и поломка-то оказалась незначительная, — небрежно взмахнул рукавом уездный. — Главная удача — что случилось всё это не в рабочую пору, ровно год назад.

— А что за горный скит?

— Эту женскую обитель однажды водою едва не снесло — когда река сменила русло, больше ста лет назад уже. Думали тогда перевести их на новое место, выше на горе возвели молельню — но им там тесно было, и позже они вернулись. А к тому времени близ старого храма уже соорудили запруду, вот эту самую, что и сейчас стоит. Досточтимым предлагали разные участки на обмен, чтоб запруду вывести под мирской надзор, да не задалось. Всё потому же: либо наставники согласны, а ученицы против, либо наоборот... Верхнему же скиту расширяться некуда — места нет. Ты же видел по дороге, наверное: у нас тут вся годная земля возделана, не так просто что-то поменять.

Асано кивает:

— Да, поля на вид прекрасно обустроены. Но вот что удивительно: сейчас если доводится читать донесения из женских обителей разных краёв, то по большей части о запустении, а не о тесноте. Монахинь всё меньше, а какие есть, селятся поближе к столицам. У вас иначе. В чём причина?

— Две причины могу назвать, только очень уж разных. Во-первых, нынешняя настоятельница, досточтимая Мёрэн – женщина деятельная, сама из Срединной столицы, ведёт большую переписку. Не только по части жалоб. Есть в её храме особы, которые раньше чуть ли не в Государевом дворце служили...

Список монахов и монахинь у Асано, разумеется, с собой. Но тут он удивлённо поводит бровью. Что значит: или у него не проставлено, кем досточтимые были в миру, или среди них есть неучтённые. Это было бы нехорошо, кабы к Водопадам недавно прибыла новенькая послушница: могла бы оказаться чьей-то беглой дочерью или женой. Но таких нет уже больше года, а ежели кого не искали по свежим следам, но ищут теперь, то едва ли поставят уездным властям в укор укрывательство.

— Во-вторых, – невозмутимо продолжает Нарифуса, – Сам понимаешь, в нашем краю... Любят здешние хозяева, чтоб на каждого братца – по сестрице. И о том заботятся.

Хозяева – боги Водопадов, братья и сёстры, число же их неизмеримо. Обоснование веское, хотя и несколько неожиданное в устах младшего родича дома Конопля, чьи родовые святыни – за много дней пути отсюда. Был бы Нарифуса здешний уроженец – тогда ему и полагалось бы судить от имени своих богов. Видимо, род его хорошо тут прижился.

— Благодарю, – кланяется старший родич. – Прочту доносы из твоего запаса и по итогам спрошу, чего не пойму.

С ответным поклоном Нарифуса говорит:

— Дозволишь ли и мне задать вопрос? Кто-то из свояков собирается принимать здесь постриг? Или из друзей?

Или даже из подруг. Отчего бы молодому Асано не упечь в монахини наскучившую даму... Ясно, что сам Конопляный не считается, как и никто из его родни: у них-то свой храм в Южной столице, в иных не постригаются.

— Об этом мне ничего не известно.

— Ну, нет так нет, – разводит ладонями уездный начальник. – Может, и к лучшему. Судя по всем этим жалобам, жизнь в обеих обителях – беспокойная!

Полководец

Асано Иэнори, паломник

Назавтра я достал из кладя паломничье платье, широкополую шляпу, оделся и отправился было в обитель к монахам. Уездный начальник увидел меня с крыльца, окликнул:

— Посох возьми! У нас тут круто!

Посох и вправду пригодился. К воротам храма ведет тропа в виде лестницы из больших камней, поутру скользких после тумана. Отсюда видны две из множества здешних речек. И водопады – не такие, как близ Столицы или к югу от неё, в Отрадном краю или в Медвежьем. Там поток срывается с высоты, струёй или стеной, пенится и дальше льётся плавно. А тут само русло ступенчатое, водопады небольшие, но идут один за другим. Могучее течение, даром что из этих же речек по множеству протоков вода отведена к полям. И воздух полон воды, и лес от самой земли и до верхушек деревьев весь плотно-зеленый, даже осенью.

Красивое место, и отсюда кажется почти необжитым, хоть я и видел по дороге, сколько тут деревень.

Если я верно помню описание Облачной страны, то поднимаюсь я сейчас на отрог, что тянется от больших гор к северу и там выдается в море длинным клином. И по ту его сторону — уже не Подступы, а Перевальный край. За рекой, что к северу от меня, на горе видны красные ворота святилища, а за южной башня храма, должно быть, женского. И по меньшей мере шесть вервий вижу, перекинутых через реки. Государева святыня, не простая! Верхнего скита отсюда не разглядеть.

Ворота храма Золотого Света высокие, прочные, как у крепости. Но открыты. Где положены были камни, там теперь толстенный зелёный мох. Столбы и двери новые, черепица вся на месте. Ухоженная обитель. Даже странно, что по пути мне навстречу не попался никто из братии. Или они за подаванием выходят раньше, поскольку идти далеко?

Совершил омовение у жёлоба, огляделся — не найдётся ли провожатого. Кто из монахов и был во дворе, когда я в ворота вошёл, — все куда-то попрятались.

Что любопытно: в Облачной роще действует нарочитый приказ настоятеля — чтоб охрана на виду не стояла. В поземельных же храмах, где я бывал, всюду первым делом встречаешь вооружённых ребят, по крайней мере у ворот. А тут, похоже, даже караульных нету — или незаметны.

Только двинулся к кумирне — из-за плеча меня окликают:

— Наконец-то!

Немолодой уже досточтимый, крупный, статный — и походка, и лицо явно столичные. Вид одновременно и приветливый, и раздражённый.

И что — «Наконец-то, о добрый сын, ты удосужился обратиться за прибежищем к Просветлённому, Закону и Общине»?

— Обрядовая палата, если не ошибаюсь? Пожалуй в мою келью!

Ну вот, не вышло из меня неприметного паломника.

— Я не успел даже бросить взгляда на священные изваяния...

— Да всё у нас в порядке с изваяниями. Если вам писали, что мы их продали и пропили, так сие клевета. Злостная.

Был бы это монах-распорядитель — ему не подобало бы облачение из семи полотнищ. Похоже, сам настоятель. Помни, чиновник для особых поручений: ты тут действительно представляешь Обрядовую палату. Ничего удивительного, что встречает тебя — её! — первый человек в обители.

Настоятеля зовут досточтимый Кобэн. О столичных знакомых — монахах или мирянах — он не расспрашивает, дому Конопля отдельного почтения не выражает. Переходит сразу к делу:

— Что из наших посланий до вас дошло? Чтобы не повторяться и не умолчать о неизвестном.

Ларца с письмами у меня при себе нет, но перечислить их все я уже могу и наизусть. А наставник удивительно уверен в себе — не сомневается, что приехали по его жалобе, а не по жалобам монахинь...

Досточтимый Кобэн выслушал, кивнул:

— Очень удачно — ничего важного, значит, не пропало. Даже из посланий двухлетней давности...

— А что — были случаи, что ваших гонцов перехватывали?

— Пытались. Пришлось применять уловки.

Но это, кажется, к обвинениям он присовокуплять не собирается — как слишком незначительное обстоятельство.

— Со времени последнего нашего письма к лучшему, увы, ничего не изменилось. Наши ученицы продолжают злостно нарушать Устав. Нас к

себе в обитель не допускают. Их обряды за последние три месяца мне неизвестны — следовательно, недействительны.

— Хотел бы уточнить — а как, собственно, они вас не пускают? Неужели отстреливаются?

Подумав, настоятель отвечает:

— Нет. Строго говоря, нельзя употребить слово «стрельба», если стрелы на тетивы были наложены — но не выпущены. Военная наука говорит: успешное взятие крепости возможно при соотношении сил три к одному в пользу нападающих. У нас столько нет: мы не можем снять охрану с полей. Всего-то два десятка стрелков и столько же пригодных для ближнего боя.

То есть что, всё уже настолько плохо?

— Досточтимый настоятель изволит выразаться в иносказательном смысле?

Кобэн хмурится:

— В самом прямом. То, что пока не дошло до кровопролития — исключительно наша заслуга.

Однако вооружённого подкрепления настоятель не запрашивал. Должно быть, и впрямь следует наставлением китайских полководцев: «Лучший способ ведения войны — вовсе не вступать в сражение». Но с кем, хотелось бы знать?

— А что представляют собою силы обороняющихся? Монахини-воительницы — нечто воистину небывалое!

— Если постараться, женщин из военных семей, обученных с раннего детства, найти можно. Вынужден сказать, что моя ученица Мёрэн пошла по этому пути. У неё три монахини и четыре послушницы — стрелки отменные. Причём то, что в этом послушницы наставляли монахинь — также предосудительно и даже недопустимо! Но — что есть, то есть. У меня, как было сказано, стрелки многочисленнее. Но — хуже. Ибо уделяют должное время молитвам и подвижничеству, а не воинским упражнениям.

— И всё же...

— Прошу дослушать. Главная опасность — в том, что ученицы могут рассчитывать на подкрепление, которое ударит нам в тыл. Мирян и расстриг, а то и изуверов. Людей так называемого разбойника Барамона.

Хорошо, что со мною нет Сандзы. А я спрошу сдержанно:

— Следует ли понимать, что оный индеец — не баснословен?

— В Столице он, может, и баснословен. И индеец. А здесь — увы, весь его образ действий выдаёт местного уроженца, прекрасно знакомого с каждым горным проходом, ручьём, ущельем... Хуже того, — с каждым чиновником, сельским старостой, а теперь ещё и с настоятельницей храма.

Или родич мой Намма чего-то недоговаривал, или в Полотняном приказе менее внимательны к вестям с мест, чем в Обрядовой палате. Или досточтимый Кобэн повредился умом, ибо рассказывает он вещи совершенно немыслимые. Не то чтобы мне доводилось наблюдать какой-нибудь мятежный край, но Подступы такого впечатления не производят.

— Прошу прощения за прямоту, наставник. Но тебе самому доводилось видеть этого разбойника?

Кажется, верный вопрос. На этот раз досточтимый задумывается надолго. Потом отвечает:

— Не знаю. Было бы глупо заявить, что я видел по меньшей мере двух Барамонов. Он, понимаете ли, мастер менять обличье. Никаких чудес, только обычное лицедейство. Но вот про тех двоих — я не могу сказать, был ли то один человек или разные.

— А при каких обстоятельствах это произошло?

— Один Барамон принёс храму дары. Другой обратился к братии с просьбой о вспомоществовании.

— В обоих случаях ему — или им — было отказано?

— В обоих случаях мы... гм... не имели возможности отказаться.

Вот так и возникают основы для доносов — «в храме укрывают краденое!» Один раз это краденое принесли и пожертвовали, потом — настоятельно попросили обратно...

Но, по крайней мере, признавать себя самого индийским чародеем наставник явно не собирается.

— И всё же ты полагаешь, что разбойники примут сторону учениц?

— Ну так на то они и разбойники, что от них всегда следует ждать удара в спину.

— Казалось бы, самое время храмам объединиться, - предполагаю я вслух. — Скорее всего, монахиням этот разбойник навязал своё союзничество примерно так же — силой.

— Если бы главной головной болью для нашей обители были разбойники, мы бы не беспокоили Обрядовую палату. Увы, корень зла — эта... в общем, ученица моя Мёрэн.

Когда он произносит это имя, лик его искажается яростью, как у изваяния Стража Закона. И примерно так же красен делается. Однако насчет настоятельницы нам в палату не поступало сведений, будто она демон в женском облики, лисица или что-то подобное. Что напасть эта послана досточтимому Кобэну как воздаяние за грехи его прежних жизней либо как испытание его веры, он не говорит, это и так ясно.

— Как я слышал от моих учителей, первопричиной всему неведение и порождаемые им страсти. Корни уходят глубоко в прошлое... И всё же: если не причина, то повод в нынешнем рождении у этой женщины должны же быть, чтобы столь злостно грешить?

Похоже, этот вопрос досточтимому особенно неприятен. Он встаёт с места:

— Не могу тут ничего сказать. Нам бы сейчас с ядовитыми плодами разобраться, а до корней докапываться уж некогда.

Врата в Индию

— Тебе, господин, лучше бы тут одному не ходить. Я всё выяснил — опасно!

Когда отрок Сандза пугает, он тарачит глаза и машет пальцами в воздухе. Будто призрака изображает.

— Тебя и тут уже начали страшить?

— Да нет, я просто расспросил, что в округе творится. Половину не понял, потому что — чудно говорят. Но и половины хватит. Все думают, что мы прибыли ловить разбойников. Ну, почти все. А остальные вроде как решили, что мы к этим разбойникам хотим податься. Или главному, Барамону, привезли государево прощение и пожалование. Но так только повар думает. Он вообще добрый человек.

Собственно, именно на поварне Асано Иэнори погонщика и обнаружил, когда вернулся в уездную управу. Правда, тогда всё выглядело так, будто это Сандза местную прислугу запугивал, а не наоборот. Ну как же не похвастаться, какие в родных столичных краях лихие преступники водятся?

— Этот Барамон, оказывается, уже самого Государя ограбил!

— Разоряющий подданных разоряет державу, разоряющий державу злоумышляет против правителя?

— Да нет — напрямую!

— Это как? Он побывал в Столице?

— А вот не знаю... — задумывается Сандза. — Может, и побывал. Он, говорят, обличье умеет менять. Неузнаваемо. Едут тут давеча с Севера чиновники, везут дары Государю из дикарских краёв. Их догоняет такой весь бородатый, лохматый, в пёстрой шубе, и кричит: «Меня забыли! Я должен плясать для Государя! Изъявлять преданность!» Они спрашивают: «Что ж ты, один, что ли, плясать будешь?» А он им: «Наши все вперёд ушли, с прошлыми господами вроде вас, а я тут много выпил, занемог и отстал. А без меня плясать нельзя — беда будет!» Чиновники его и взяли с собой. А утром глядят — ни дикаря нет, ни даров. Потому что это был сам Барамон.

«Давеча» — это, видимо, значит: в начале нового правления. Тогда действительно прибывали в Столицу дикари с Севера и Юга, исполняли верноподданные танцы.

— Что-то я не слышал о пропавших дарах...

— Хо! — Сандза ухмыляется. — Тут потому и запомнили, что дары срочно пришлось прямо здесь собирать, где покража случилась. Трудней всего, говорят, было с мехами. Но господин уездный всё возместил, он — честный!

Вообще-то о такой краже следовало бы доложить в Столицу, преступление важное. Но ничего удивительного, что и обманутые чиновники, и местные власти предпочли умолчать о своём недосмотре. Непонятно только: почему челядь всё сразу выкладывает прибывшим из той же Столицы?

А вообще случай необычный. Государевы дары — не самый ходовой товар. Или такие вещи можно достать более простым способом, — снесь, например, — или это диковинки, которые, в общем-то, никому не сбудешь и сам не употребишь. Разве что разбойник хотел просто доказать свою лихость. Или... провозгласить себя либо какого-то своего покровителя Государем? Такого безумца полезно иметь в горной глуши. Если, к примеру, в Столице пойдут разговоры, что кто-то посягает на престол, — скажем, прошлый Государь задумал взять своё отречение назад, — можно будет противопоставить слухам заведомого злоумышленника где-нибудь в отдалении. Раньше Иэнори привык считать, что в качестве такого запасного мятежника у отрекшегося государя есть в запасе его сгинувший брат, царевич Кандзан. Но тот непредсказуем, так что надёжный, управляемый смутьян, конечно, вернее. И тогда понятно, почему сведения о нём с такой готовностью доводят до приезжего начальства. Хотелось бы знать, где государь Унрин нашёл такого человека и на каком крючке его держит.

— Любопытно. Но мы даров не везём, только бумаги. А ради пары лошадей и одежды станет ли знаменитый разбойник руки марать?

— Так в том-то и дело! Этот Барамон — он благочестивый. Говорят, и умение оборачиваться ему передал какой-то здешний святой подвижник перед смертью. Грабит разбойник только нечестивых, а добычу щедро раздаёт праведным. Ну, праведных-то меньше, так что заначка всё равно остаётся. Так вот: если у нас в ларце клеветнические письма на праведников — вдруг он захочет им помочь? Праведникам, не клеветникам?

Ну конечно, половину жалоб изымет, а вторую половину нам оставит, да ещё припишет: «Сие подтверждаю. Барамон». И печать поставит личную.

— А кого тут считают праведными — монахов или монахинь?

Сандза замялся:

— По-моему, о том согласия нет. Одни одних хают, другие — иных. Всяко выходит — что монахи, что монахини простым народом в последнее время пренебрегают. И вообще с тех пор, как святой подвижник умер, дела

пошли хуже. Но он сам это предсказывал: близятся, мол, последние времена, лучше уже не будет!

Очень мило. Стало быть, почитание Мироку и ожидание последних времён тут тоже известно.

— Но зато тут жрецы сильные, — утешает Сандза. — На них всё и держится. В смысле, на Водопадных богах. Но всё равно — осторожность не помешает! Так что лучше бы тебе одному не ходить.

— Но не можем же мы всюду тут бывать вдвоём, с лошадьми и грузом. А если добро наше оставить без присмотра...

Сандза вздыхает:

— А как я за ним угляжу, если разбойник Барамон оборачивается? Придёт в твоём обличье, господин, скажет: а подай сюда ларец! И что мне тогда делать?

Тут он осекается и глядит на господина с подозрением. Иэнори, прищурившись, отвечает:

— Но ты, конечно, знаешь, как проверить — точно ли я Асано или притворяюсь?

— Ох... А как?

— Ларец перевязан верёвкой, завязан родовыми нашими узлами. Ты ларец подай, и если это правда я, то узлы сам и развяжу. А разбойник этого не сможет...

— Выхватит кинжал и перережет верёвку, тут-то я и закричу: «Караул!» Здорово придумано!

Если, конечно, сам разбойник — не из дома Конопля родом. Но об этом мальчику задумываться не стоит.

Так или иначе, теперь можно надеяться, что Сандза будет стеречь вещи и болтать с прислугой, а не пустится по следу господина тайным телохранителем.

В женскую обитель не зайдёшь так просто, как в мужскую — даже если там на самом деле нет лучниц на воротах. Так что чиновник для особых поручений решил известить досточтимую Мёрэн о своём прибытии письменно и испросить встречи.

«Два храма Водопадов подобны двум лотосам на одном стебле над водною гладью...» Он указал, что прибыл по делам Обрядовой палаты, но желал бы воспользоваться случаем и заказать досточтимым монахиням чтение: главу о подвижнице Чуткой ко Звукам из книги Цветка лотоса Благого Закона. Оно и недолго, и монахиням читать эту главу сподручно, и со стороны Асано — неудивительно, ибо именно Чуткую ко Звукам Конопляный дом почитает своей покровительницей. Также Иэнори написал, что хотел бы обсудить с настоятельницей некоторые вопросы обустройства храмовой общины. Ибо нынешний Властитель Земель поистине благочестив, прилежен к делам Закона и склонен вникать в тонкости.

Присовокупив приличные подношения, сам отнёс послание к воротам обители. Стоят они прямо над рекою, в главный проём не войдёшь — можно только подняться на боковые башни и уже через них спуститься внутрь. Зато красиво! Никаких вооружённых часовых и тут не видно, но, кажется, наблюдательницы на воротах есть, только не торопятся показаться.

Обойдя стену, увидел другие ворота — через них река втекает в обитель. Плотины и пруда отсюда не видно. Двинулся вверх по течению вдоль берега. Не всюду это просто: уступы крутые, густо поросли кустарником. Зато на одном из них, почти в часе ходьбы от храма, и впрямь стоит молельня. Небольшая, уже несколько ветхая. Переселить сюда в случае чего всех насельниц обители, перенести книги и изваяния — непростая задача.

Впрочем, кажется, скит и сейчас не пустует. Если пройти вдоль ограды, то сквозь шум реки слышны женские голоса:

— ...и вот они видят под стенами города огромное войско. Шатры, коней, колесницы и всё такое. И стяги, лазурные, наверное. И монахам говорят, что эта осада длится уже месяца два-три.

— Тут Убари начинает: мы должны вмешаться! Да, у нас ни оружия, ни сокровищ для выкупа, но мы можем явить чудеса. «Мы» — это он про Сэсона в основном, конечно. Убивать не будем, но напугаем. И заодно пробудим у них мысли о Пути. Что вообще-то нехорошее это дело — воевать...

— А то они сами не догадывались... — отзывается первый голос, пониже. — Но тут встречается Сяри. Не будем вмешиваться, жители города заслужили свои страдания, всё predetermined, как учит Сэсон, какие же мы получаемся его приверженцы, если чуть что, отступаемся от Закона... Но, говорит Мокурэн: там в городе его отец! И мать, в смысле, мачеха, и жена, и сын...

— И конь, и слон, и колесничий... Они ж ещё живы, наверно?

— И вообще все горожане его родичи. И начинается спор, потому что половина учеников за Убари, а другая за Сяри.

— А Сэсон молчит.

— Молчит! Как обычно...

История, судя по всему, о Просветлённом и его спутниках. Сэсон — это он и есть: Почитаемый в Веках. Только обсуждают его здесь так, словно собеседникам неизвестно, чем всё кончится.

Всё-таки индийские дела здесь на Водопадах в ходу.

— Тут Ананда предлагает: а давайте просто соберем еды, припасов и отнесем осаждённым! А в город войдём так: припасы сделаем невидимыми, воинам на караулах скажем, что идём собирать милостыню. Они: вам там не подадут, сами голодают! А мы: ну и что, наше дело попросить. А если кто отдаст последнее, так тем больше ему заслуга. Вы, ребята, между прочим, тоже могли бы оделить монахов... Это он воинам так скажет.

— А надобно знать: в то время у царя Лазурного в шатре объявилась некая женщина... Не из его жён и наложниц, а новая.

— Новая... Тридцать пятая у нас? Или тридцать шестая?

— А... Нет!

— То есть она у нас уже была?

— Возможно...

— Ну, ладно. А она кто? То есть: тут-то её за кого считают?

— Да просто, отчего бы в походе царю не поразвлечься.

— Или — боевая подруга?

— Да, хорошо! Так лучше! С луком и стрелами. Царь на неё несколько отвлёкся, почему и не торопится идти на приступ. И вдруг эта красавица ему говорит: любовь моя, я слышала, там возле нашего стана ходят какие-то монахи. Хочу оделить их, и чтобы они помолились о твоём успехе. То есть нашем общем. Царь ей: эти не будут, это, не иначе, Сэсон с учениками, они за победу в бою не молятся. А она: вот посмотрим!

— Ага. Но погоди: а Лазурному не доложили, что ли, что Сэсон сам из этого города? Или его это не волнует?

— Да... Надо бы обосновать.

Сами-то они кто, эти девушки? Судя по голосам, обе довольно молоды. А по речам — чрезвычайно сведущи в монашеских книгах. Выговор у одной несомненно столичный, у другой, скорее, местный. Или тут чудом открываются-таки врата прямо в Индию? Причём не нынешнюю, а во времена Просветлённого? Будь так, чиновник Обрядовой палаты, скорее всего, почуял бы чудо. А он не чувствует.

Тогда кто они? Подруги разбойника Барамона?
Молодому господину Асано ничего не остаётся, как заглянуть в щель ограды.

Скрытно не получится

Асано Иэнори, кавалер у ограды

Поразительно! Обе — монахини, и насколько я вижу, не призрачные, вполне живые. Я бы меньше удивился, будь тут чудесное наваждение. Но в наши глухие дни наблюдать подобную ученость, да ещё у женщин... Обе с бритыми головами, такого возле Столицы не увидишь. Там в женских обителях все либо под покрывалами, либо подстрижены, но не более.

Сидят на крыльце кумирни, разложив вокруг десятка два или три листов бумаги. То есть они ещё и записывают, что сочиняют. Вон у них и тушечница...

— В общем, пошла подавать милостыню, — продолжает та, у которой руки свободны. Вторая записывает. Не подымая головы, переспрашивает:

— И не вернулась?

— Да. Царь за ней послал, ему докладывают: сидит, мол, рыдает! Изломала лук и стрелы, изорвала доспехи... Царь сам пошёл спросить у неё, что стряслось. А она говорит: я случайно заглянула в чашу для подаваний у этого странника.

— И увидела там такое!

— «Будущую гибель, твою, о царь. И мою тоже. И ещё множество смертей, после многих жизней: наших с тобой и всех твоих воинов, колесничих, погонщиков и невольников. И даже слонов. Каждая смерть — ранняя, тяжкая и напрасная.»

— Как воздаяние за грех убийства?

— Да. Они же всё сделали, чтоб возродиться боевыми демонами.

Старшая отвлекается:

— Кстати: надо будет куда-то вставить историю про трёх братьев. Они за грехи свои родились слонами: один диким, другой рабочим, а третий боевым.

— А что с ними было?

— Ещё не знаю. Только сейчас задумалась.

Младшая глядит на неё умильно:

— Трое братьев... И кто теперь вводит новые лица, сразу три?

— Я же говорю: вставная притча, это не в счёт.

— Ну, хорошо. Возвращаясь к царю Лазурному. Он сначала не поверил, пошёл сам посмотреть, что за чаша. И увидел в ней то же самое. И раскаялся.

— Э, нет. Так, конечно, проще. Но, боюсь, он сперва спросил объяснений. Откуда у странников такая чаша, или дело не в ней, а в их чудесном искусстве, или в том, кто в чашу смотрит. Ну, и что всё это значит.

— А ему говорят: прикажи трубить отступление, сними осаду, тогда расскажем.

— И рассказали про закон воздаяния. Этот кусок я буду делать.

— Конечно. Но в конце там царя разочаруют, или обрадуют, не знаю. В общем, ему скажут, что в облике его подруги ему явился не кто-нибудь, а преданный ученик Сэсона, подвижник...

Ох!

Вот вел бы я в Столице жизнь, подобающую мне по чину и роду, — я бы умел подглядывать за дамами, не производя шума. Смотреть, на чём стою и куда падаю.

Голоса оборвались. Что-то зашуршало за оградой. Потом старшая монахиня окликает сбоку и сверху:

— Эй! Если ты кабан или барсук, то давай потише там. А если человек, то вставай. Три шага назад и руки к шапке!

Встаю, отхожу. Когда она успела: вскочить, схватить откуда-то лук и стрелу, подняться на ворота?

Я-то надеялся, что воительницы существуют только в воображении досточтимого настоятеля. Ан нет. Эта женщина явно не впервые держит оружие.

Что мне остаётся, кроме как учтиво поклониться и назваться? Можете видеть, я-то безоружен. И без охраны.

На ворота поднимается вторая монахиня. И тоже с луком и с колчаном. О чём-то они переговариваются. С неприличной прямоотой разглядывают меня. Правда, слегка опустив оружие. Я подойду, раз плохо видно?

— И что, досточтимая Киндзи? — спрашивает первая лучница громко. — Врёт он или как?

Киндзи — это, стало быть, та из них, у кого голос тоньше и выговор столичный. Она досадливым шепотом отвечает:

— Не помню! Если ты думаешь, будто я всех придворных знала в лицо... Как он назвался?

— Чиновник для особых поручений Обрядовой палаты, из дома Асано, — повторяю я.

— Это, может, и правда, — говорит Киндзи. — Что из Столицы — наверняка. Может быть, и из Конопляного дома.

— То есть это тот самый, с проверкой?

— Боюсь, что да, — кланяюсь ещё раз.

Первая монахиня косится на свой лук.

— А здесь ты чего ищешь? Разбойников тут нет, изваяние на месте.

— Хотел бы поклониться образу Почитаемого в Веках.

— Ага, через щель в заборе. Дабы не ослепнуть от лучезарного сияния. Ладно, заходи.

Не спеша захожу на двор — досточтимая Киндзи уже там, поспешно собирает с крыльца бумаги. Вторая тоже спускается с ворот, но, к счастью, на прицеле меня уже не держит.

Дверь в кумирне отодвигается легко. В чашах — свежие осенние цветы. Пахнет благовониями, хоть и недорогими. С разрешения досточтимых зажигаю огонь. Масла в светильнике довольно много. В общем, скит никак не назовёшь заброшенным. Как представитель Обрядовой палаты, не могу не одобрить!

Изваяние старинное, двойное: рядом сидят Просветлённый и давний его предтеча, наставник Богатый Сокровищами. Стало быть, и весь этот храм — Драгоценная Башня, та, что описана в Книге Цветка Закона.

Почтительно кланяюсь святыне. Надо бы помолиться, но первая монахиня, та, что говорит по-местному, перебивает:

— Как видишь, у нас тут всё в порядке. Да даже худший грешник, целый отряд грешников, отсюда Почитаемого в Веках не вытащили бы. Как его тут водворяли — слышал?

Сознаюсь в своём невежестве. Она не без удовольствия рассказывает: столетия назад, когда отлит был двойной образ, встала задача — как его на гору поднять. Так тяжёл был, что любые носилки ломались. Хулители уже начали толковать: сие есть знамение, что учреждение храма неуютно было местным богам... Но тут, откуда ни возьмись, явились чета за четой прекрасные юноши и девы, числом более двадцати, и предложили помочь. Взялись, подхватили и понесли, так легко, будто образ бумажный. И друг другу ничем не мешали. Внесли на гору —

и исчезли. Так что чудо свершилось, конечно, но знаменовало оно совсем обратное: радостное почтение богов Водопалов к Просветлённому, Закону и Общине.

— Так что тут можно не беспокоиться — самый лютей злочинец не посмеет посягнуть!

— Воистину дивное чудо! — отвечаю. — Приношу глубочайшие извинения за свою неучтивость — нимало не хотел помешать досточтимым. Не проповедь ли вы составляли?

Откликается младшая монахиня, та, что собирала листки:

— Не совсем. Хотя поучительные примеры оттуда брать будем. Но это — когда закончим.

Вторая кивает.

Сборник назидательных рассказов — это прекрасно. Не так давно наставник мой Нэхамбо и меня убеждал составить такой, в помощь проповедникам. Но, кажется, эти монахини не переводят — то ли пересказывают по памяти, то ли вообще сами сочиняют заново. Ладно, об этом, если удастся, потом попробую расспросить. А пока:

— Здесь действительно так опасно, что учёными трудами приходится заниматься, имея под рукою оружие?

Киндзи, кажется, смутилась; её товарка отвечает:

— Тут скорее наоборот. Вообще-то мы отправились как раз упражняться в стрельбе — и слегка отвлеклись.

— Досточтимая Дзюки меня наставляет в обращении с луком и стрелами, — подтверждает младшая.

— А что до опасности, — продолжает Дзюки, — так ты же, раз прибыл сюда из Обрядовой палаты, наверное, уже слышал о здешних нестроениях. Но о том лучше толковать с наставницей Мёрэн.

А им, стало быть, болтать не велено. Любопытно: по всему выходит, что эти две поднялись к верхней кумирне задолго до того, как я принёс своё письмо в их обитель. То есть о прибытии человека из Обрядовой палаты там к тому времени уже знали все. Ну да тем проще: действовать скрытно у меня всё равно не получится.

— Не премину почтительно к ней обратиться.

Отвесив ещё один поклон, выхожу на двор. Монахини — за мною, по-прежнему насторожённо.

Досточтимую Киндзи я если и встречал в Столице, то, конечно, не мог бы узнать: там дамы лиц не показывают. А то бы, наверное, запомнил: девушка образованная, и не только в сочинениях для приятного чтения сведуща, но и в монашеских писаниях. Едва ли она несёт сан с детства, а за пять-шесть лет стольких писаний Закона не освоишь. Но я ничего о такой особе даже не слышал. И еще она на редкость красива, даже без волос. Хотя, по столичным меркам, наверное, слишком худощава. Лицом чем-то напоминает старые изваяния Южной столицы: ясные черты, весь облик как по единому замыслу... Досточтимая Дзюки лет на десять постарше, ей, наверное, немного за тридцать. И, похоже, действительно давно уже в монашестве. По виду не определишь, из какой она семьи: крестьянской, или воинской, или иной...

Она как раз повернулась к подруге и спрашивает — негромко, но так, чтобы я слышал:

— Что это столичный гость на нас так уставился? Надеется поколебать нашу стойкость в подвижничестве?

Киндзи улыбается, шепчет в ответ:

— Нет, он вообще не на нас смотрит, а в никуда. Должен же господин стихи сложить о посещении сих мест!

Стихи я, пожалуй, и впрямь сложу, но чтобы так, не сходя с места — нет, я не настолько искусен. Разве что:

*Пламя над горной обителью – листьями красного клёна
Это не трубы – в поход! — ветер осенний гудит...*

Уже в воротах слышу, как досточтимая Киндзи меня окликает:

— Мы здесь живём в глуши, вести доходят не быстро... Что слышно в Столице о господине среднем советнике Сандзё из Податной палаты?

— Когда я отправлялся в путь, господин средний советник пребывал в здравии и благополучии, — отвечаю. Это правда: я слышал, как этого Сандзё хвалили за то, что за три года он не пропустил ни одного служебного дня.

Монахиня благодарит и исчезает.

И только тут я сообразил: а ведь эта досточтимая Киндзи, должно быть, не кто иная как бывшая барышня Метель! Сестра советника Сандзё, славилась как сочинительница. С ней года три назад были знакомы моя прежняя супруга и тёща: вместе работали над «Повестью из Кудары» для Государыни-матери. И как раз примерно тогда у барышни погибли сначала жених, а потом отец, и вроде бы говорилось, что она приняла постриг.

Здесь, кажется, будет «Повесть из Индии»...

Хуже потоп

В усадьбе уездного начальника Иэнори уже ждал ответ от досточтимой Мёрэн. Ему было предложено приготовить всё необходимое — благовония, цветы, масло для светильников, подношения для монахинь: постную пищу для тридцати трёх человек. А также набросать черновик молитвы: на что даритель желает обратить свою благую заслугу от обряда. Тогда завтра утром за ним зайдут и проводят на чтения священных книг. Пришлось договариваться с Нарифусой: подношений получалось несколько ящиков. Уездный начальник успокоил: всё будет приготовлено. Любопытства по поводу изысканий чиновника для особых поручений он зримо не проявил.

Моление должно быть составлено вдумчиво, изящным слогом. И отвлекаться на сторонние мысли при его составлении не подобает. Асано Иэнори попробовал, потом отложил лист и всё-таки отправился к зятю Хокумы.

Усадьба у господина Мидзуно — совсем сельская, с колодцем, с курами во дворе. Кур гоняет дитя лет семи-восьми. При виде гостя, однако, мальчик учтиво поклонился и отправился сообщать батюшке. Сам хозяин чуть замешкался — видимо, облачался в служебное платье. Иэнори уже знал, что Мидзуно исполняет здесь должность прудового смотрителя — отвечает за орошение. Непростая служба! И выглядит этот чиновник соответственно — измождённое, серое лицо, насторожённая повадка. Но при этом любезен без угодничества.

Расположились на крыльце, мальчика, вертевшегося вокруг гостя, отец отослал в дом. Оттуда, из-за перегородки, однако же, время от времени слышался шорох: то ли дитя продолжает любопытствовать в щёлку, то ли другие домочадцы прислушиваются к беседе.

Иэнори поднёс послание от среднего советника Наммы. Прудовой смотритель проглядел его, нахмурившись, потом вздохнул:

— Незамедлительно составлю ответ. Благодарю за хлопоты.

Чуть помедлив, отвесил новый поклон:

— Могу ли чем-то быть полезным многоуважаемому родичу?

Опаска его после прочтения письма никуда не делась. Мало ли чего может пожелать господин из Столицы: вдруг у Конопляного дома есть

виды на мальчика, или самому хозяину настоятельно предложат что-нибудь неприятное — например, в отставку подать. Тень от поступка Хокумы-младшего и на его семью падает. И в то же время — заметно и обратное: возможно, слабая надежда. На что?

— Прежде всего хотел бы получить некоторые сведения. Я прибыл сюда по взаимным жалобам двух храмов. С радостью убедился, что наводнения тут на самом деле всё же нет. Хотелось бы понять: а оно возможно? Что должны сделать досточтимые монахины, чтобы...

Мидзуно улыбается — хотя и довольно криво:

— Ну, на что они способны, если воззовут о чудесной подмоге, — судить не берусь. Как и о том, что станется, если эти обитатели погрязнут в распрях и навлекут кару на себя и округу. А по моей части — я бы сказал, тут речь не о том, что монахины должны сделать, — скорее опасно, если они воздержатся от деяний. Не будут следить за створами и износом запруды, или же, заметив изъян, не обратятся к знатоку. Какие первые срочные меры они могут принять — я им говорил, но первейшая из них — сообщить мне и дать нам с помощниками доступ на землю обители. Тогда согласились. Как сейчас — не знаю: на своей стороне они меня числят или на стороне своих супостатов.

— И всё же — насколько вероятен потоп?

— Если боги будут по-прежнему милостивы — ещё год подновлять плотину не потребуются. Потом — надо будет, конечно. Это и по росписи обычных работ так, можешь ознакомиться. Не худшая запруда в округе, надо скащзать. Хотя, разумеется, не рассчитана на ведение рядом с нею боевых действий или на что-то подобное. Если досточтимые всё же сцепятся по-настоящему — ничего обещать не могу.

— Верно ли я понимаю, — спрашивает чиновник для особых поручений, — что пока до боевых действий не дошло? Угрозы, хула, жалобы — но не вооружённые столкновения?

Мидзуно качает головой:

— Это же храмы. Убитых, похоже, нет. Если были стычки и раненые — о них мы тут узнаем последними. Может быть, позже, чем в Столице.

В Столице «это же храмы!» значило бы обратное: о малейшем несчастье, приключившемся с монахом или монахиней, все ведомства были бы осведомлены через час. Тут, похоже, наоборот. Или делают вид, что наоборот: у Нарифусы-то жалоб скопилось немало. Но о каком-либо свершившемся кровопролитии и в них не упоминалось.

Прудовой смотритель поколебался, потом всё же произнёс:

— Эти ещё ничего. Заняты друг другом. Честных мирян в свою распрю особо не втягивают.

Как обстоит дело с нечестными мирянами — не уточнил.

— Будет ли надёжнее, если досточтимая Мёрэн получит указание от Обрядовой палаты о беспрепятственном допуске тебя и твоих подручных к запруде? Конечно, по Уставу монахиням в этом случае необходимо разрешение или даже предписание их наставников из мужской обители, однако...

— Указание-то не помешает. А вот будет оно исполнено или нет — наперёд не скажу. Обрядовая палата велела одно, наставники — другое... Хороший повод, дабы первая на вторых прогневалась, верно?

Кажется, господин Мидзуно полагает, что столичный чиновник прибыл именно выбрать жертву будущего гнева. И уже несколько успокоился, поняв, что сам он — не первый на очереди.

— Тут ещё ходят разговоры о каких-то странных благочестивых разбойниках... — начинает Асано Иэнори. И с удивлением видит, что глаза у его собеседника вспыхивают:

— Это больше разговоры. Шалют по округе, но — не более, чем в других уездах. Главный разбойник, которого ты, видно, прибыл искать, — мёртв.

— Это который? — Иэнори едва удержался от навоящего вопроса. И правильно сделал, потому что прудовой смотритель с отвращением молвил:

— Тот, что в монашеском плаще. Великий подвижник сих гор, видишь ли!

И его словно прорвало:

— Кое-кто тут ждал — скончается этот праведник сидя, источая благоухание и озаряя округу дивным светом. Ничего о нём порочающего и слышать не хотели, чуть не за дреколье брались, коли правду кто скажет... Не вышло: помер он не свято, а глупо. От жадности. Подавился рисовым колобком. После такого — притихли!

— Не тот ли это подвижник, что учил о наступлении последнего века?

— Он самый, — сдержанный прудовой смотритель теперь уже не скрывает злости. — Праведный, видишь ли, Этибо!

Глотнул воздуха, перевёл дух и добавил уже спокойно и горько:

— Эх, господин мой... Что ж у вас только сейчас спохватились-то. Раньше бы на несколько лет...

Снова умолк, но прежде чем Асано успел ответить, — заговорил твёрдо:

— Очень просим... я очень прошу. Этибо — умер, тут у нас теперь, может, — уже и всё. Но если где ещё, в других краях эта мерзость объявилась... Давить его надо — лжеучение это. Без пощады. Это — хуже потопа.

Старший родич мог бы сказать: по себе знаю, я уже однажды чуть было не убил одного из приверженцев этого толка... Твоего зятя, если быть точным. Но Асано медлит, а потом молвит спокойно:

— Расскажи, что тут у вас творилось.

— Так вы же, видно, уже знаете. Объявился Этибо, всем напоказ вершил свои подвиги. Мученичество принимал, водопад осквернил. Толковал, что благие времена истекли, теперь только остаётся радеть, чтобы всё кончилось поскорее. Потом, мол, опять всё будет в лучшем виде, в новом-то мире. И конечно, не всех туда возьмут, а только его сторонников. Ну, и нашлись, понятно, охотники... Чем хуже, тем лучше.

— Слухи о чудесных силах оного монаха...

Мидзуно запнулся, потом проворчал:

— Может, правда, может, враньё — сколько того и другого, не знаю. Демоны — они ведь тоже могут такое творить, что человеку немислимо. На пути своём, надо сказать, Этибо был твёрд. Истребил ли в себе страсти — не уверен, а вот совесть — точно.

— Ты его знал?

— Что значит «знал»? Видел и слышал. А уж сколько в пересказе наслушался...

— От зятя?

— От тестя. Большой был его приверженец.

Вот оно что. Сейчас окажется, что сыщик Хокума обратился в ложное учение не в Столице и не по собственной воле, а здесь, движимый сыновним послушанием. Или в самом деле — не ожидал он никакого пришествия нового века, а внедрился в общину и расследовал, чем таким заморочили голову его батюшке? Но отчего было в таком случае не признаться? Хоть главе дома, хоть Полотняному начальству?

— Должен сказать, — продолжает мрачно прудовой смотритель, — «чем хуже» получилось. Умирал господин Хокума так тяжко, как мне

видеть не доводилось. Уже не до молитв ему было. Посылал за Этибо — тот даже не ответил. Последовательный был монах в подлости своей.

— Пять лет назад?

Сыщик Хокума вправду, значит, ездил тогда к умирающему отцу. Вернулся быстро, ещё до окончания срока смертной скверны. Испросил очищения и приступил к службе. А через год и самому ему конец пришёл.

— Сам же знаешь... Год мы с женой горевали. Потом четыре года боялись. Теперь у меня уже и страха нет.

— Чего боялись?

— Этибо половину этого срока жил, проповедовал, никто его не трогал. Видно, приказа не было. Откуда нам было знать, что Конопляный дом насчёт нас решил...

Не окажетесь ли вы сами изуверами или их пособниками? Действительно, не предупредили. А то, что опальный зять, то бишь тогда уже глава вашей семьи, до вас сюда в ссылку не доехал, толковать можно было по-разному.

По крайней мере, кажется, Мидзуно не прочёл молчаливую волю дома Асано в том смысле, что от ссыльного родича должен сам избавиться. Это хорошо, а плохо — что и он тоже, видимо, не знает, как Хокума-младший погиб.

Из-за двери слышится женский голос, уже сквозь слёзы.

— Господин... Батюшка, когда помирал, он ведь даже молиться за себя запретил. Мы, конечно, не послушались, и к досточтимым наставницам я ходила, и муж к наставникам, только... Если самому о чуде не просить, тогда обряды все вполсилы. Наставления не принял. У наставниц хорошая лекарка есть, учёная женщина — её тоже не пустил. А по рассказам да на глазок хорошее снадобье не составишь...

— Мирянин, уездный наш лекарь, тоже готов был сперва помочь, — добавляет Мидзуно. — Один раз побывал, такого о себе наслушался... Больше не приходил.

— Четыре месяца отец криком кричал, днем и ночью, а у нас — маленький... Хорошо, не понимал, что дед несёт.

Асано спрашивает:

— Он и со смертного одра проповедовал?

— Да нет! Убить себя просил. Нас просил. Сам уж встать не мог, мы и веревки все попрятали, и что острое было... Есть отказывался, бился. Муж держал, я кормила. А потом — приехал...

И замолчала. Мидзуно договаривает:

— Брат её, зять мой приехал. Тут старик и умер.

Не хорошо об этом спрашивать, а придётся.

— Молодой господин Хокума тогда тех же взглядов держался, что отец?

— Хуже, — отвечает прудовой смотритель. — Страшный он человек был. Я соврал, что мы после смерти старика год только горевали — боялись и тогда тоже. Нового... главы семьи.

— Наставница проснулась тогда, закричала... А я только вижу, брат... Выходит со двора, не оглянулся даже...

— Оставь, — велит ей муж.

Но она договаривает:

— Больше мы его и не видели. И хорошо, наверно.

Надо ли так понимать, что тут, вопреки запретам умиравшего, ночевала-таки какая-то монахиня?

Столичный родич поднимается с крыльца:

— Если бы против вас у Конопляного дома были хоть малейшие подозрения, я бы сюда сегодня не явился. Вы же понимаете: я прибыл по

служебному делу, оскверняться не имею права. Ещё зайду к вам перед отъездом.

Уже за воротами Асано Иэнори слышит, как его шепотом окликают:

— Господин родич!

Это мальчик Мидзуно, который его встречал.

— А ты за дедушку мстить приехал? — спрашивает он.

Хорошо сказано. За погибель твоего дедушки? Или затем, чтобы свершить расплату вместо своего деда, старого Конопляника? Вместо и по поручению, как же иначе.

— Жалко, ты без войска, — продолжает дитя. — Его же разбойники убили, их много. Мы вдвоём не справимся.

— Разбойники?

— Ну, да. Как — я сам не видел. Только кровь. Столько крови было... И убежал обратно к себе во двор.

Корзина

Асано Иэнори, даритель

Итак, мой родич Хокума был страшный человек. Не потому, что служил в Полотняном приказе, а даже после отставки и ссылки. Страшный для собственной семьи? Или для соседей тоже? Надо сказать, в Столице, когда по его изуверскому учению пришло время для пожара, поджег-то он свой дом, но и соседские не пощадил. Однако не с изуверством родные связывают свой ужас перед ним, а с чем-то ещё худшим. Что бы это могло быть?

Со слов сестры его и зятя напрашивался уже вывод: посетил умирающего отца и был настолько почтителен, что подал тому кинжал. Или собственную саблю. «Не умеешь разорвать родственной связи», сказал Хокума в своё время начальнику и родичу своему Намме, перед тем как начать драку в его доме. Сам, получается, откуда-то умел.

Но при чём тут разбойники? Или мальчик всё путает? Сколько ему тогда было: года два, три? Или в его памяти совместились разные случаи: кончина деда и налёт разбойников. Кстати: чего в этом доме точно не было, так это пожара. Доски и брёвна старые, лет тридцати самое меньшее. Много крови... Могло почудиться со страху — или в доме убили кого-то ещё, кроме изможденного старика? Нескольких человек?

Попробую спросить, какая слава шла о Хокуме-старшем. Чтобы не выдумывать родовую месть или вроде того. Ибо если Хокуму-сыщика действительно зарезали не по приказу главы Дома и не за столичные его дела, то следует знать — кто и почему. И не грозит ли опасность Мидзуно и его домашним. Может, они не зря боятся.

Но уездному начальству этих вопросов не задашь. Нарифуса, как и прудовой смотритель, принадлежит к ненавистникам покойного Этибо, и сдаётся мне, виноват по его расчёту окажется всё тот же изуверский толк, да хорошо ещё, если сам Хокума-старший выйдет жертвой, а не лиходеем.

Хотел бы я знать, кто была та монахиня, что молилась при кончине старика, и где она теперь.

Кажется, монахини — это пока самое удивительное, что тут есть. Если досточтимая Киндзи и впрямь та дама, о ком я думаю, то с ней-то как раз всё ясно: отказаться можно от многих мирских страстей, но от тяги к изящному слову, говорят, труднее всего. Спрашивается: кто её напарница, местная учёная особа? Бывает, кто с детства рос при храме, для того дела

Просветлённого и учеников его ближе, чем насущная жизнь, этикие отрешённые книжники. Но этот образ плохо сочетается с луком и стрелами. Безумия в её речах не слышно: не похоже, чтобы она свой скит воображала индийским городом, а меня Марой, врагом Закона. Не то бы выстрелила, я думаю.

Или всё-таки где-то тут в горах открываются врата прямиком в заморскую древность? Может, не чудо, а какие-нибудь испарения из недр, или растения местные, что навевают увлекательные сны, а потом монахини записывают, что видели? Но опять же: не похоже. Слишком они свободно судят-рядят, как лучше поступить тому или другому из действующих лиц и сколько их всего должно быть.

Хотелось бы напроситься в книжное собрание обители, посмотреть, нет ли там какой книги с картинками, что их вдохновила.

Но главный вопрос. Разумеется, даровитыми женщинами наша страна не оскудела, и даже среди монахинь, которых довольно мало, можно набрать таковых. Особенно если списаться с дальними храмами и пособираться по ним, как в своё время созывали лучших монахов в обитель Унрин. Так вот: зачем тут это делается? Я уж не спрашиваю, как можно в беспокойной здешней обстановке отпускать столь незаурядных женщин без охраны в уединённые места. Я, скорее, говорю в общем: как получилось, что именно здесь выращивают этакий лотосовый сад учёности и благочестия? Сдаётся мне, не по приказу Обрядовой палаты. Следует ли предположить, что в храме тайно воспитывается... Кто? Царевна? Девица из какого-то старого рода, который числится угасшим, но на самом деле готов в скором будущем предложить невесту Властителю Земель? Или наоборот, один из вполне мне известных столичных домов спрятал своё дитя здесь в горах, чтобы Государю не отдавать?

Или просто всему причиной непомерное тщеславие настоятельницы. Так или иначе, могу допустить, что беспокойство монахов-наставников, как и скрытность их досточтимых учениц, объясняются этой вот странностью.

Утром я едва не проспал. Носильщики с дарами уже были готовы, провожатый добился, чтобы Сандза меня растолкал. Сам Нарифуса уже ушёл в присутствие, благодарить за хлопоты его придётся уже по возвращении.

Поднимаемся в гору. И вдруг за поворотом тропы — целый отряд, вооружённые молодцы непонятного звания. Не меньше десятка. Предводитель с веером молча указывает носильщикам: туда! То есть к мужскому храму. А мне говорит:

— Эх, господин проверяющий... Что ж ты, испытывать изволишь? А вот: у нас Устав не нарушают, всякий обряд только через досточтимого Кобэна.

Ну, спасибо! А если я сам знаю, в котором храме мне хотелось бы послушать святую книгу? И какую именно. Уж не собираетесь ли вы указывать, как мне утолять мои обрядовые нужды? Вам неизвестно, что род мой с тех самых пор, как слово Просветлённого впервые прозвучало на Облачных островах, особенно чтит подвижницу Чуткую ко Звукам, она же особенно благосклонна к женщинам, будь те мирянки или монахини?

Только я собирался всё это высказать подобающим голосом, как чую: провожатый неприлично дёргает меня сзади за рукав:

— Взгляни, господин, — воркует примирительно, — красота-то какая! словно бы нарочно для песни...

О да, вид великолепный. Собственно, со вчерашнего дня не изменился. Носильщики двинулись, куда им показали, а провожатый шепчет:

— А теперь, господин, изволь за мной, только быстро. Видал: они в сапогах, а мы-то в тапках! Оторвёмся!

И покатился с тропы вниз по склону между деревьями. Половина непрошенных блюстителей устава двинулась за носильщиками. Но и препираться с оставшимися я не стал — последовал совету.

Тапки — это хорошо, только вот полы и рукава широки для такого спуска... Впрочем, за мною никто вроде и не гонится? Пока...

Хотелось бы знать — так и выглядят здешние благочестивые разбойники?

Проводник пыхтит на бегу:

— Насчёт даров — не беспокойся! Дело по нынешним временам — обычное. Господин уездный всё, что надо, ещё до рассвета отправил. Поболе, чем в этих коробах-то.

То есть, не заступи нам путь недруги, я бы явился в Лotosовую обитель — и выяснилось бы, что расщедрился на двойные дары? Впрочем, похоже, неизбежное нападение уже входило в расчёты господина Нарифусы...

Остановились у подножия какой-то скалы — я хоть и озираю окрестности, но без провожатого не сообразил бы, какая это из виденных мною сверху. Под скалой — большая плетёная корзина, к ней привязаны толстые верёвки, уходят куда-то вверх.

— Не изволит ли господин тут и устроиться? Пташкой взлетит!

Вот так и похищают чиновников Обрядовой палаты в этих краях?

— А ты как же?

— Двоих не выдержит. Я — после тебя уж, следующей ходкой.

Мне доводилось ездить верхом, путешествовать в возке и плавать в лодке. Но летать в корзине пришлось впервые. Ничего — залез, ухватился за верёвки. Было бы совершенно несообразно, если бы они оборвались, когда на них висит человек из дома Конопля!

Корзина рывками двинулась вверх. Пару раз натолкнулась краем на камень, но потрянуло не сильно: хорошее плетение упруго. Вниз я старался не смотреть. А сверху слышен голос:

— Осторожно! Там корень такой торчит — хватайся за него, как остановишься!

Любопытно, кого и что я обнаружу в конце подъёма. Древнюю Индию? Лично Барамона?

Как бы не так: просто двое храмовых служек у ворота, на который накручивалась верёвка. Корень правда торчит удобно, так что из корзины удалось выбраться, не теряя достоинства и не запутавшись в полах. А в нескольких шагах уже видна стена обители — и дверца. Надо сказать, куда более удобная, чем надвратные башни с рекой между ними.

Только я вошёл — в руки мне суют курильницу. И объявляют:

— Даритель прибыл на обряд!

Прохожу в глубину двора, к залу для чтений. Двери его открыты — и занавешены пологом: видеть чтящих мне не подобает. Кланяюсь в их сторону, сажусь на заранее припасённую для меня циновку. За занавесом начинают читать. Голоса слаженные, трудные заморские слова произносятся легко, привычно. Читают, как страдальцы призывают по имени Чуткую ко Звукам, и она спасает их — из вод, из пламени, из горных пропастей и из морской пучины, от хищных зверей и ядовитых гадюк, и злые демоны не могут увидеть их своими злыми глазами. Спасает от неправедных властей и от незаконных разбойников, от семейных распрей, предстаёт в облике отшельника или отшельницы, монаха или монахини, бога или богини, старца или старицы, жреца или жрицы, мальчика или девочки — в обликах бесчисленных обитателей всех миров. И потому никто никогда не ведает — видел он уже Подвижницу или нет; лучше считать, что — видел.

Как положено, сперва читали хором, потом то же самое — по голосам. Некоторые из досточтимых явно учились в Южной столице, другие — из разных поземельных храмов. Мне показалось, что и голос Дзюки я узнал.

Весьма прискорбно

Столичный чиновник не попросил себе свиток и не достал припасённый собственный, но вторил чтицам наизусть. Хорошо — Обрядовая палата прислала не совсем невежественного мирянина. Настоятельница Мёрэн уже передала, с какими приключениями он добирался сюда, — и это тоже неплохо. Теперь едва ли сочтёт жалобы Лотосовой обители беспочвенными.

Беседует она с гостем, конечно, тоже из-за занавеса.

— Восхищён процветанием Закона в вашей обители! Давно наслышан: и книжные занятия, и милосердная забота о мирянах поставлены здесь как нельзя лучше. В прекрасном проведении обряда сегодня убедился сам.

— Отраднo, когда всё сие внушает восхищение, а не зависть.

— Ваши послания о кознях завистников поступили в Обрядовую палату.

— Не сомневаюсь, что дошли и письма наших соседей. Заповедано: не клеветать и не потворствовать клевете. Однако же заповедь эта трудна: все наши старания, всё усердие вызывают прямо-таки поток клевет.

— Но в чём причина такого ожесточения? Неужели соседняя община настолько уступает вашей?

Из-за полога слышно, как щёлкают чётки в руках Мёрэн.

— Не всегда причиной зависти служит собственное ничтожество. Дайбадатта был выдающимся подвижником, что не мешало ему злостно завидовать Просветлённому.

— Но хотелось бы услышать: чего же добиваются те, кто по Уставу достался вам в наставники? — вопрошает Асано.

— Первое: утолнения собственных гордыни и чванства...

— Казалось бы: такими ученицами можно было бы гордиться и дорожить вашей обителью, как великим сокровищем!

— Чтобы величаться чужими заслугами, нужно обладать некоторым мирским опытом. Наши наставники его лишены. Среди них нет бывших царедворцев.

Возможно, это значит: если в отчёте чиновника для особых поручений будет значиться, что обе обители процветают и все противоречия между ними мнимы, — настоятельница сумеет довести до его начальства, что это не соответствует истине. А возможно, это намёк на то, что досточтимый Кобэн не тот, за кого себя выдаёт. Он-то вроде бы в юности служил в Столице.

— Второе, — продолжает Мёрэн. — Помимо гордыни, существуют властолюбие и алчность. Когда наших монахинь приглашают для совершения обряда в посёлок — по пути им чинятся всяческие препоны, и порою совершение обряда оказывалось уже невозможным. И напротив: мешают тем, кто стремится попасть на обряд в наш храм. Что касается проповеди — на каждую являются горланы и смутьяны, в лучшем случае просто шумят, а в худшем — вступают в препирательства. Я обратилась к наставникам — мне ответили, что их храм тут ни при чём; однако возможно, что наши проповеди будут успешнее, если их заранее в писаном виде будут представлять на просмотр досточтимому Кобэну... Подношения — ну, что происходит с ними, тебе, кажется, довелось видеть воочию. Книги

пытались у нас изъять, утварь. Мыслимое ли дело: приходится обустроить тайники! Письма перехватывали, пока мы не изыскали для переписки окольных путей...

По голосу трудно определить возраст досточтимой — но, кажется, она ещё далеко не дряхла. И столичный выговор становится всё заметнее.

Помолчав, чиновник Обрядовой палаты молвит:

— Всё это весьма прискорбно. Увы, подобное порою случается между головным храмом и его дочерними молельнями. Требуется выбрать выход из сложившегося положения. Что здесь возможно? Допустим, переподчинение вашего храма другому, новым наставникам. Может быть, какой-то более отдалённой обители — например, той, что при управе наместника Подступов. С другой стороны: если смуту чинят не столько монахи, сколько их приверженцы из мирян, Лotosовому храму можно предоставить охрану. Или, скорее, выдать грамоту, предоставляющую вам право поверстать в охрану здешних мирян.

Мёрэн пока не отвечает, ждёт.

— Или же, если бесчинства монахов храма Золотого Света будут доказаны, то речь может пойти уже о смещении их настоятеля. И переводе его в один из храмов столичной округи, тех, которые более на виду у общинного начальства.

И изволь понять: если будут доказаны бесчинства Лotosовой обители, она тоже может лишиться настоятельницы. Что будет значить перевод в другой храм, поближе к Столицам — Срединной или Южной. Скорее всего — с понижением; но послужить под началом какой-нибудь пожилой настоятельницы и потом занять её место — это не так уж плохо.

— Не смею подсказывать решение представителю Обрядовой палаты, — отвечает Мёрэн. — Но я не желала бы никакому из храмов близ Столицы монаха, чьё поведение полностью несовместимо с несением сана. Однако, разумеется, здесь необходимы не только свидетельства, но и ясные улики. Не думаю, что их будет сложно обнаружить. Особенно если удастся ознакомиться с содержанием кладовых соседнего храма. И сопоставить его с жалобами ограбленных разбойниками мирян.

— Кстати, о разбойниках, — замечает Иэнори. — Я уже много слышан и о них, и о разных их покровителях. Однако откуда они взялись и из кого состоит эта шайка — сведения противоречивы. Это местные жители?

— Среди них есть разные люди, — неожиданно охотно откликается настоятельница. — И местные, и из иных краёв. Некоторые, судя по рубцам, бывалые вояки; один-два, думается, вообще из Восточных земель.

То есть у досточтимых монахинь и их лекарки уже была возможность изучить эти шрамы. Или храм Золотого Света не настаивает на том, чтобы погребальный обряд над разбойниками проводили именно его монахи?

— Я бы не удивилась, если бы среди них обнаружили и расстриги. Хотя, скорее всего, не из государственных храмов. Однако, дабы тебя не ввели в заблуждение слухи, скажу сразу: у них нет ни чудотворца, ни гадателя, ни знатока обрядов. Иначе некоторые их промахи были бы необъяснимы.

Ну хоть досточтимая не считает, что во главе разбойников стоит оборотень или кто похуже.

— Что я пока не вполне уяснил: а когда эта шайка объявилась в округе?

— Около трёх лет назад, насколько я знаю. По крайней мере, с тех пор они стали гораздо менее скрытны. Может быть — оттого, что сменился состав. Или — глава.

Сквозь планки занавеса можно разглядеть: столичный чиновник явно напрягся. Потом спросил — уже немного иным голосом, чем прежде:

— Не могу не спросить... Упомянутая смена и кончина моего родича Хокумы — не связаны ли между собой? Точнее, двоих моих родичей — отца и сына?

— Не берусь ответить. Однако я не удивилась бы, обнаружив связь с кончиной их, насколько знаю, наставника в ложно понятом Законе. Скончавшегося как раз три года назад прискорбным и нелепым образом.

— Насколько я знаю, ныне единомышленники подвижника Этибо осуждаются храмами и не имеют поддержки от здешних мирских властей...

Асано медлит, но возражений не раздаётся, и он продолжает:

— Возможно ли, что кто-то из его приверженцев стал искать убежища среди разбойников?

— Думаю, возможно, — спокойно отвечает Мёрэн. — Но с подобными людьми мы, разумеется, не имеем дела.

Сквозь планки видно, как к настоятельнице подходит кто-то. Потом из-под занавеса жертвователю подадут листок: его моление, переписанное красивым почерком. О том, чтобы заслуги от сегодняшних чтений обратились на благо всех жителей мира страданий, а особенно на успокоение здешней распри.

Асано уже задумался о другой грамоте. О письменном запросе насчет дозволения побеседовать с каждой из пострадавших: кто именно и как перебивал проповедницу, как, когда и что именно украли из подношений, в чьём доме сорвали обряд... Почти наверняка либо настоятельница откажет, либо настоятель запретит. Но оба эти ответа хотя бы можно будет приложить к делу.

В своё время сыщик Хокума славился как мастер ведения допросов. Так вёл беседу, что пробалтывались самые изворотливые казнокрады. Очень его искусство сейчас бы пригодилось... А начальник его Намма и ныне не имеет себе равных по части обысков, гласных и негласных. Уж он-то навестил бы склады обеих обителей и посмотрел, что там получено в дар, что принято на хранение...

Вообще-то должны вестись списки даров. И отдельный учёт того, что в храмах хранится временно. Всем этим обычно занимается мирской распорядитель. Кажется, этому человеку как никому следует посочувствовать... До него-то чиновник Обрядовой палаты и решил добраться в первую очередь.

Старая песня

Асано Иэнори, бывший храмовый распорядитель

Назад в уездный городок я вернулся благополучно. И всё-таки: почти что претерпел гонения ради Цветка Закона! Может быть, эта заслуга мне зачтётся. И отчасти смягчит кары, положенные мне и всей Обрядовой палате за то, что мы так запустили положение в Подступах, где храмы дошли уже до непримиримой вражды. Те, кто учит о наступлении последних времён, конечно, предсказывают подобные распри; но ни Кобэн, ни Мёрэн на тайных почитателей Мироку не похожи.

Сама по себе вражда очевидна. Способы, к которым прибегают оба храма, чтобы навредить друг другу, — тоже более или менее понятны из жалоб, даже если половина из них — клеветнические. Но вот причины распри неясны. Те, из которых и вытекает всё прочее, подкреплённое непослушанием монахинь и властолюбием их наставников.

Будь обе обители нищими — их соперничество было бы понятно, хотя бы за приношения. Но тогда бы и возможности их были бы меньше. Впрочем — в Облачной роще у двух рядовых монахов не было никаких особых возможностей, а они чуть не разнесли весь храм... Но здесь и

мужской, и женский храмы выглядят зажиточными и имеют немало почитателей. И миряне уже приучены к тому, что почитать и одарять нужно и наставников, и учениц, — иначе хуже будет.

Не может же быть предметом соперничества разбойник Барамон и его шайка! За морем бывало, конечно, что храмы тягались за благосклонность государя; у нас так случалось с иными святилищами. Но что же тогда за царёк этот Барамон, если из-за него кипят такие страсти?

Отправился поблагодарить господина Нарифусу за хлопоты. Сами дары-то я оплатил местной казне столичными рисовыми расписками, но вот что их нужно отправлять двумя путями сразу в два храма — это бы мне в голову не пришло. Уездный начальник кивает:

— Не стоит благодарности. Местные особенности, как господин чиновник для особых поручений изволил убедиться. Мы-то уже приспособились, а приезжим — непривычно.

— А кто здесь, собственно, здесь в храмах занимается дарами и в целом — хозяйством? Сами главы обитателей, нарочитые монахи или мирской распорядитель?

— Как сказать... Распорядитель есть, как не быть. Могу познакомить. Но насколько он делен и не обходятся ли во многом без него — судить не возьмусь.

Только тут я сообразил: в жалобах распорядитель ни разу не упоминался, ни словом. А должен был бы! То ли он — вовсе пустое место, то ли, напротив, столь влиятелен, что ссориться с ним не решаются ни воинственные монахи, ни непреклонные монахини. И Нарифуса смотрит на меня как-то странно, говоря об этом человеке. Впрочем, это разъяснилось сразу:

— Распорядитель — тоже человек из нашего дома. Хокума Масамунэ, монашествует в миру под именем Сэйсо. Двоюродный брат покойного начальника охраны.

— О да, конечно же! Но... покойный господин Хокума занимал именно эту должность?

Нарифуса разводит слегка руками:

— Ну, как сказать... По бумагам — глава уездного ополчения, конечно. У нас же стража набирается из местных, по разнарядке. И, я бы сказал, это наиболее годные из ополченцев — Хокума их хорошо обучал. Почти настоящие вояки.

Так. Похоже, самых важных вопросов я и не задал.

— А кто сейчас возглавляет этот отряд?

Нарифуса слегка улыбается:

— Так мой обормот! Я-то надеялся обратить отрока к учению — не вышло. Лук и стрелы ему увлекательнее заморских книг. Тоже покажу его тебе, родич, если любопытно, — только он сейчас в горах. За разбойниками гоняется.

— Я слышал, что господина Хокуму убили именно разбойники? Теперь понятно, почему.

Уездный начальник сразу подобрался:

— Которого? Старшего или младшего?

— На самом деле такие слухи ходят про обоих...

Нарифуса покачал головою:

— Насчёт младшего, столичного — тебе виднее. Это не в нашем краю случилось. А вот насчёт старика — неправда. Он долго болел, сильно маялся, лечиться отказывался... И в конце концов умер своей смертью, честь по чести похоронен. У нас городок-то маленький, всё на виду: был бы разбойничий налёт на усадьбу — все бы знали. А вне дома Хокуму убить не могли — он давно уж не ходил даже на двор.

— Говорят, на месте его кончины видели кровь...

— Ну так при чём тут разбойники? Кровью он кашлял, это верно, а может, и

не только кашлял. Всякая кровь — скверна, но не всякая — свидетельство убийства. Так что слух — ложный.

— Лекарь-то его видел?

— Приходил, когда ещё думал, что помочь можно. Старик его изругал, обличил как живую препону грядущему веку и впредь являться запретил. Лекарь, конечно, обиделся — больше, говорит, ноги моей у Хокумы не будет! Да всё равно он, мол, не жилец.

То есть, видимо, мальчик всё-таки напутал. Или страх перед разбойниками тут и шире, и сильнее, чем я думал. Или... был у начальника охраны в шайке свой человек, осведомитель. Коего раскрыли, притащили в усадьбу Хокуме и на глазах у него (и у монахини?) зарезали, для устрашения. Старик после этого и сам умереть мог. Или Хокума-сыщик решил совместить два дела: и отца посетил, и какого-то важного свидетеля в родительский дом привёл, потрянул — да так, что тот жив не остался... Может быть, это уже и слишком. Всё равно до возвращения в Столицу не проверить, вёл ли Полотняный приказ здесь какое-то дело.

Нарифуса словно догадался, о чём я думаю:

— Единственно, что нехорошо вышло, — это что сын Хокумы сразу же и уехал тогда, ещё до похорон. Но — мало ли какой приказ ему вышел.

— А что, был гонец из Столицы?

— Мы такого не заметили, Мидзуно что-то в этом духе мямлил, но не знаю, не отговорка ли то была. Ну да мало ли как надолго полотняника-то отпустили — и с какими тайными приказами. Мы в это не вмешиваемся, сам понимаешь.

— Впрочем, разбойники и не по моей части, — говорю я. — Но положение с храмами действительно напряжённое. Хотелось бы поговорить не только с настоятелем и настоятельницей, но и с простыми насельниками той и другой обители. Я уже убедился, что в храмах это будет непросто. А вот на каком-нибудь обряде здесь, в мирском доме... Не знаешь, не намечаются ли у кого-нибудь из соседей моления?

Уездный начальник задумался, но совсем ненадолго:

— Тут далеко ходить не надобно. Я же сказал, какую службу мой сын исполняет? Сопровождение наших податей в область, к наместнику — тоже его дело, и пора для этого уже близка. Очень бы не хотелось, чтобы прошло неблагополучно. Так что вознести моления и Чуткой ко Звукам, защитнице от разбойников, и Земляной Утробе, хранителю путников — самое время. И монахи, и монахини при деле окажутся. А грабители, ежели те молитвы доходчивы будут, — не у дел.

Хотел бы я знать, что он имеет в виду. Действительно уповаешь на чудесную защиту — или здесь от разбойников откупаются через храмы? Те самые, где и укрывается награбленное? Вот говорят о единстве Закона Государя и Закона Просветлённого — а тут, похоже, единство беззакония... Но уточнять — неуместно, а обряд этот может оказаться как раз тем, что нужно.

— Был бы весьма признателен за возможность присоединиться к молению.

Выдаю расписку на пожертвование. Нарифуса её прибирает, не глядя, кивает:

— Конечно. Поспешу тогда с этим.

К монаху в миру я решил сходить вместе с Сандзой, благо недалеко: здесь же, можно сказать, на задах у усадьбы Мидзуно. Велел отроку сидеть смирно и внимательно всё примечать, пока я буду рассыпаться в извинениях, что не посетил родича раньше. Родича и отчасти товарища по

несчастьем, хоть сам я точно уже никогда не возьмусь вести хозяйство ни в каком храме, пусть бы то даже была индийская обитель Гион во главе с самим Просветлённым.

Досточтимый Сэйсо ростом невелик, сложением, кажется, хрупок, голову и бритье не приходится. Однако я, пожалуй, узнаю семейные черты: жёсткие скулы, прямой нос... И это вот нехорошее веселье во взгляде я у сыщика Хокумы тоже помню.

Жилище его примечательно. Не скажешь, что совсем тесная отшельничья хижина, но внутри заставлена сплошь, словно бы сюда вся северная ветвь нашего дома отдаёт, что самим не нужно. Полочки, столики, корзины какие-то... Книг, между прочим, пять или шесть бочонков, да ещё рассыпью. И музыкальная снасть: наподобие лютни, но не продолговатая, а с круглым туловом, как на картинках с китайскими певцами.

Да не то чтобы мои рабочие покои в Облачной роще были в своё время меньше захлавлены.

— Я тебя, родич, сразу разочарую, — молвит Сэйсо. — Мы с досточтимой Мёрэн и с досточтимым Кобэном договорились одинаково: чтоб ко мне обращаться в трудных случаях. Пока они справляются...

Превосходно. В Обрядовую палату они, стало быть, пишут по пустякам. А когда начнутся настоящие трудности, беспокоят тебя?

— ...И та, и другой про обе договорённости знают, с обеими обителями то есть. И получается: кто первый обратится, тот, значит, и признает собственную бесхозяйственность. Так что служба у меня спокойная. Необременительная.

— Набор войск, вооружение монахов и монахинь — это, как я понимаю, посильные для них хозяйственные задачи?

— Управляются... Впрочем, я не слышал, чтобы они на стороне кого набирали, за жалованье. Разве только добровольцев.

— И эти добровольцы — для обороны от разбойников? Или друг от друга? Или для наступательных вылазок?

— Разбойники-то, как я слышал, ни ту, ни другого не очень тревожат, — спокойно вымолвил родич мой и замолчал.

Какой-то грубый выходит у меня разговор с распорядителем. Слишком прямой. Ну да ладно:

— А из-за чего они друг дружку так ненавидят? Не поводы, а причину я имею в виду.

— А они вам про это не написали? Ну, наверно, решили, что в Столице и так все помнят... Они же оба оттуда.

— Боюсь, я был ещё слишком мал...

— Да ты, пожалуй, тогда и вовсе нынешнего рождения не обрёл. Но песню, может, слышал?

*И водопады, и реки на Подступах могут иссякнуть —
Слёзы иссякли мои, в море любовь унеся.*

Слышал, конечно. Очень грустная повесть: как однажды столичный юноша полюбил девицу, обещанную другому, бежал с нею в горы, в здешний край, но не прижился. Бедствовали, ютились в соломенной лачуге, он добывал пропитание дурным промыслом по окрестностям. Дома почти не появлялся...

— И девушка, сложив эту песню, утопилась с тоски. А юноша воротился, прочёл строки прощания на столбе хижины — и умер? Или что с ним стало?

— В наших Водопадах топиться нельзя, — наставительно молвит Сэйсо. — Иные говорят: попробуешь — не выйдет. Не захлебнёшься, только о камне искалечишься. Да и не из тех девица была, кто топится.

Обратилась сердцем к учению Просветлённого. И сердцем, и имуществом награбленным, что ей на сохранение милый доверил. Немалый дар поднесла. Кавалер, видно, тоже понял, что это — знак ему, неправедную, мол, жизнь ведёшь. Добро-то там не только его хранилось, но и товарищей... Раскаялся и тоже голову обрил. Учились оба потом, в Южной столице и ещё в других обителях. Преуспели, да и рода оба хорошего... А кто уж решил их назначить начальствовать в смежных храмах...

Да понятно, кто. Конопляный господин, вполне в его вкусе шутка.

И что мне делать теперь с этой влюблённой парой?

— Хочу ещё у тебя спросить, родич. Я тут посетил прудового смотрителя...

— Да, там со взносом тоже неловко вышло. Бабушка-то его, вдова Мидзуно, уж как решила стриг принять, так чуть не всё имение на обитель переписала. Внук после обучения возвращается — а поместья-то нет. Вот и женился на племяннице моей. Они тогда хорошо жили, до поры...

— До поры, пока проповедник Этибо не влез в доверие к начальнику охраны?

— Да. Хоть это-то как раз подношений не искал. Что ему дарили, в воду кидал, если съестное. Или закапывал, до будущего века. Видать, там, при Мироку, такая уж благодать наступит, деньги-то понадобятся... И книги: пока ещё новые напишут...

Ясно. Тут по горам должно быть закопано немало кладов, как всюду, где есть общины почитателей Мироку. Никогда не мог понять: вот верят они, что мир наш рухнет и создастся новый. Рухнет всё, но горы уцелеют, а в горах клады. Но если так и если это сбережённое добро в грядущем веке будет по-прежнему ценно — то чем тот новый мир так уж разительно будет отличаться от нынешнего?

— У Мидзуно как раз зашла речь о зяте его, младшем советнике Полотняного приказа... Что ты о нём скажешь?

— Даровитый был малый. Ещё с детства. Помню, лет семь ему было... Проводники наши горные всё шутки ради подступались: давай, мол, господин Хокума, мы парня твоего к нашему делу приставим, больно уж хорош в горах-то... Отец его и сабельному бою рано выучил, и грамоте, в училище земельном парень первым вышел, с отличием. Вот его и взяли к вам в Столицу служить, уж не скажу, к добру ли. Ты вот что... Ты ведь паломником ходил, я так слышал, по горам, и нашим, и прочим, горцев видал. Так если хочешь, мой совет: когда будешь себе сам людей набирать, ты с горцами — осторожнее.

— Да уж я понимаю, кажется.

— А с Масой... Там не только в горном нраве дело. Широко мыслил парень. Он святые книги давно начал читать. Соображал. И как тебе сказать... Мерки нынешней жизни — ему тесны были. И даже прошлой и будущей. Он дальше смотрел, и вниз, и вверх. Оттого и телом, и долей своей совсем не дорожил. Это на вид-то порой завидно кажется, но — неправильно. Ибо нынешнее человечье наше рождение — редкостная драгоценность.

Я киваю, чтобы не сбить его. Сэйсо продолжает:

— Отец его тоже насущным не дорожил, но по-другому. Его отшельник научил. Я про это не хочу толковать. Брат со мной порвал тогда. До сих пор обидно. Так-то хороший был человек. Пока Этибо его не изуродовал.

— А как по-твоему, Хокума-сын в это же изуверство мог впасть? Не для виду, а по-настоящему?

— Едва ли. Учение о будущем веке — оно ж как раз узкое. Ну, явится Мироку, устроит всем счастье. А дальше что? Маса бы спросил. А на это у Этибо и его дружков ответа нету.

Учреждение

Только двинулись от Сэйсо в обратный недалёкий путь, как Сандза воскликнул:

— Здорово ты его вычислил, господин!

— Кого?

— Барамона! Ну, вот монаха этого поддельного.

Чиновник Обрядовой палаты так и встал посреди улицы:

— Погоди, с чего ты взял?

— Как с чего? Пока ты с ним толковал, я, как было сказано, сидел и приглядывал за его подворьем. Попробовал его слугу разговорить — ну то есть это я думал, что он слуга, — тот отмахнулся: не до тебя, мол! Мне и стало любопытно, чего это он так неучтиво — к свите господина из самой Столицы? А потом вижу: приходят какие-то дядьки, собою грозные, один с топориком, а другой бородатый. И он их встречает этак приветливо, ведёт к амбару или что у них там за домом — и пошли все втроём оттуда мешки да тюки таскать! По тому, как несли, видно: тяжеленные! Не иначе — золото.

— Надеюсь, ты не предложил им помощь?

— Нет. Да они б меня опять шуганули. Я старался понезаметнее быть, под крыльцом устроился.

— То-то ты весь в пыли.

— Так для дела же! Ну вот, я и задумался, — продолжал Сандза, — у них столько клади, её на чём-то везти надо, а волов не видно и не слышно. Когда всё к воротам вытащили, я выглянул — и точно, нет никакой повозки. Зато за воротами ещё четверо, только их я плохо разглядел. Навьючились и ушли. То есть эти, пришлые, а здешний остался. Видать, разбойник Барамон тоже непрост: понял, что ты, господин, его раскусил и теперь делиться добычей придётся — и сплавил её поскорее.

Чиновник для особых поручений только руками развёл. А потом велел отроку никому не рассказывать о виденном. Сандза с готовностью согласился и начал расспрашивать: каков он изблизи, этот Барамон?

И действительно: что можно было бы сказать о досточтимом Сэйсо? Иэнори этот родич скорее понравился. Хотя договориться с ним о чём-нибудь, скорее всего, будет непросто: монах очень чётко разделяет то, о чём его спрашивают и то, что он сам хочет сказать. Когда одно с другим совпадает — это бесценно, а вот когда расходится...

Что у Сэйсо на подворье за склад — тоже любопытно. Вообще Водопады, похоже, изобилуют складами: Асано Иэнори слышит уже о третьем месте, где якобы хранят разбойничью поживу. Разбойники — не разбойники, а похоже, что досточтимые тут не бедствуют. Хотелось бы знать: а у кого ещё — или: у кого на самом деле? — монахи и монахини принимают добро на хранение?

Сандзе он объяснил, что торопиться никак нельзя: более чем вероятно, что досточтимый Сэйсо — вовсе не Барамон, а подставное лицо. Отрок почесал в затылке и, кажется, проникся ещё большим почтением к проницательности господина.

Наутро господин Нарифуса сообщил, что он послал уже в оба храма с просьбою об обряде — в ближайшие дни, как только вернётся его сын. Подати-то сопровождать предстоит самому начальнику охраны. Наставник Кобэн не заставил себя ждать: ещё до полудня от него пришли два монаха с ответом, один покрупнее, другой — мелкий, худенький. Иэнори при беседе их с уездным начальником присутствовал. Храм Золотого Света

готов обеспечить совершение обряда, хотя наставники несколько удивлены тем, что другой посыльный из управы отправился в обитель Цветка Закона. Без этого можно было бы и обойтись.

Нарифуса отвечал в прежнем духе: дело — державной важности, его долг — принять все возможные меры, чтобы собранные подати благополучно достигли наместничьих складов. Здесь перестараться нельзя! Как, на его взгляд, и молитва никакая лишней быть не может.

— Не для того, — возразил дюжий монах, — Просветлённый баб в общину допустил, чтоб миряне на их молитвы полагались! Державный, видите ли, храм, обидно им в стороне оставаться... Обойти Закон хотят. Да не выйдет!

Столичный чиновник уточнил: как это — обойти Закон? Верно, по Уставу любая монахиня, будь ей хоть сто лет, обязана слушаться любого монаха, будь ему всего пятнадцать. Однако, если от мирян поступают запросы насчет обряда, вправе ли монахини отказываться? Разве тем самым они бы не отступили от обета милосердия? И потом: в Облачной стране поземельные храмы, в том числе женские, основаны для молений о процветании державы. Как же могут монахини не послушаться мирских властей, когда те просят помолиться?

— Если кто родился бабой, скотиной, демоном, — отвечал монах, — так должен понимать: это за прежние грехи. Их пускай и избывает. Дана тебе, дуре, речь и начатки соображения, радоваться должна: можешь не просто слушать слово Закона, но и повторять. А когда бабы на себя мужское дело берут — это и значит, что они свыше доли своей метят, законное воздаяние отрицают. А кто их в том поощряет, тот самим же им и вредит. Кобыле своей ты, небось, не поручишь книги возглашать? Так же и тут.

Иэнори задумался над ответом, но тут вступил низенький монашек:

— Если бы дело было только в неразумии... Жадность, увы, свойственна и мужчинам. Но тут же ещё и злонравие. Прямой вред! В храме Золотого Света такое книжное собрание! Такие ученые наставники! Я не о себе говорю. Такие задачи поставлены! И вот, вместо того, чтобы посвятить себя молитвам, размышлениям, учёным трудам — приходится уделять нашим ученицам втрое, вчетверо больше времени, чем следовало бы. А не уделять нельзя: мы за них в ответе. Вместо возглашения хвалы Почитаемому в Веках слова наши тратятся на неустанные препирательства. Причём бесполезные. А ведь, казалось бы: чего желать, будь даже алчность безбрежна, подобно морю? Женщинам Цветок Закона дарован! Прекраснейшая из книг! И в ней неложное предсказание: каждая непременно спасётся! Читали бы и читали, пусть даже толковали бы, кто способные... Нет, мало им! Цветка Закона — мало...

— Мягко ты, досточтимый, — отозвался его товарищ.

Пока монахи не начали препираться между собой, вмешался Нарифуса: начал обговаривать с тем, что покрупнее и погромогласнее, предполагаемое пожертвование. Второй, кажется, вмешиваться в эту беседу не собирался. Иэнори воспользовался случаем и спросил его:

— Кстати, о толкованиях. Слышал ли наставник что-нибудь насчёт «Индийской повести», где собраны поучительные случаи из жизни учеников Просветлённого?

Глаза у монаха загорелись, лицо просияло, — повернулся всем телом к столичному гостю, даже за рукав его ухватил:

— Привезли-таки? Великолепно! Великолепно! Я же слышал, мне писали из Столицы: вернулся из-за моря посол давний, которого уже не чаяли увидеть, много разного привёз — а что именно, не уточнили. Я пишу: какие книги с ним прибыли? Нет ответа. Значит, теперь — подтверждается? Действительно прибыл, книги привёз?

— И премного, — кивнул Асано Иэнори. — Господин посол человек разносторонний, доставил множество книг, и мирских, и священных. Я бы сказал, что иные из них даже спас от уничтожения, ибо в китайской земле сейчас неспокойно.

Монашек едва не задохнулся от восторга, призвал на голову посла благословение и умильно заглянул Иэнори в лицо:

— Но раз уж так... ты же, господин, из Обрядовой палаты. Не соизволил бы похлопотать, чтобы для нас список сделали? А то разойдётся всё опять по ближним пристолочным обителям, нам годы придётся терпеть, предвкушая... А хотелось бы ещё в нынешнем рождении почитать и эту индийскую книгу, и прочие...

И вздохнул:

— Может, если бы наставник Кобэн раньше об этом вас попросил, а не на местные дразги красноречие тратил — уже ты бы что-то привёз...

Чиновник Обрядовой палаты заверил: переписка уже начата, ни храм Золотого Света, ни храм Цветка Закона, несомненно, обойдены не будут.

— Вот уж спасибо! — радуется монах. — Мы же со всей страны сюда собрались, наставник Кобэн заверил: воссияет учёность в нашей обители! Очень бы прискорбно было, если б откликнувшиеся на призыв его — обманулись... И насчёт учениц наших — правильно: пусть лучше погрузятся в чтение, чем предаются ухищрениям в толковании Устава.

В общем, когда монахи удалились, один несколько успокоился, а другой — преисполнился радостных ожиданий.

Досточтимая Мёрэн ответила письменно: обряд проведён будет, храм Цветка Закона испрашивает у мирских властей охрану для монахинь на пути в управу и обратно.

А на следующий день как раз воротился со своими людьми господин Нариакира, сын уездного и начальник охраны. Молодой ещё парень, примерно тех же лет, что Асано Иэнори, и ростом не уступит — только в плечах в полтора раза шире и с пышными бровями. Доложился кратко: вышли на след разбойников, потом потеряли след, но вёл он в сторону смежного уезда. Продолжать розыски на чужой земле — не имели полномочий. Потерь нет.

— Вот в том-то и дело, — мрачно сказал господин Нарифуса, обращаясь к гостю. — Главная сложность с этой шайкой и с так называемым Барамоном — в том, что разбойники эти чрезвычайно подвижны. Порою — до неправдоподобия. Почему и заключаю: это не один отряд, а несколько, действующих по возможности согласованно не только в нескольких уездах, но и по меньшей мере в трёх краях. Главари у них, разумеется, у каждой шайки свой, но определить их — непросто, ибо все, как один, называют себя именем этого Барамона. Которого, как я убеждён, и на свете-то не существует!

И взглянул на сына почему-то с вызовом. Нариакира скромно потупился:

— Ну, нет — так нет...

— Для того же, чтобы всё это безобразия пресечь по-настоящему, навсегда и без большого кровопролития, — продолжал уездный начальник, — необходимо, чтобы и власти действовали не менее, и даже более согласованно, по сравнению со злоумышленниками. Увы, вынужден признать: тут разбойники нас опережают. Однако наместнику я об этом писал и получил подтверждение о получении моего доклада: приняли к рассмотрению. Может, что и сдвинется. В любом случае — решать вопрос надо местными силами. Если кого-то ещё пришлют на усмирение — это

только воспрепятствует слаженности действий. А тут — горы, места надо знать. Чужакам — трудно придётся.

Иэнори ещё раз заверил господина Нарифусу, что прибыл он исключительно по делам Обрядовой палаты. Но начальник охраны, кажется, не вполне этому поверил и в тот же вечер перехватил гостя из Столицы наедине.

— Соизволь выслушать, — молвил он. — То, что Конопляный господин наслышан о здешних беспорядках — это понятно. Но что я хочу сказать... Кое-в-чём отец, конечно, заблуждается насчёт разбойников, но в главном — прав. Справляться с ними надо местными силами. Пришлют войска — крови будет много, а толку — мало. И Барамон это понимает не хуже нас.

— Так он всё-таки существует?

— Как сказать. Может, даже не один. Но одного я сам видел — вот как тебя.

— Ээ... — Асано приподнял брови, по-столичному ровно подбритые, — и что же он собою представляет?

Начальник охраны отвечал движением косматых бровей: одну кверху, другую книзу, в целом получилась достаточно зверская рожа. Вот только что она выражает: решимость не мириться с горным разбоем? Или это примерно так выглядит пресловутый атаман?

— Ну, что Барамон — барсук-оборотень, это враки. Но не менее хитёр. Я тебе скажу: он разбойник новой породы. Ты уже наверно сам выяснил: если подсчитать, получается, грабил он совсем немного. А вот безопасность — что селянам, что проезжим, что святым обителям — обеспечивает. И очень недёшево это обходится.

— И по каким-то причинам ему верят: что он способен при надобности подоспеть и защитить, и что отказаться от его услуг выйдет ещё дороже. На чём-то должна быть основана подобная слава, разве нет? От здешних горцев я бы ожидал чего угодно, только не доверчивости.

— На опыте она основана. Он, конечно, злодей, но в одном ему не откажешь: слова не нарушает. Что получил в здешнем краю, сбывает в соседнем, и наоборот. Два-три раза мне на него доносили. Один раз внимание отвлекали: мы по горам шатались несколько дней, а он тем временем на дороге груз из приграничья перехватил. Другой донос был подлинный, тогда я чуть до него не добрался. Бой был. Но — ушёл. Осведомителя того я потерял. А Барамон вскоре мне письмо прислал, красивым почерком. Привязано не к цветущей ветке, а к голове доносчика.

— И о чём он писал?

— Писал, что сердце его преисполнено милосердия и что будет он очень страдать, если в горах прорвёт запруду и затопит ни в чём не повинных местных жителей. Уже по-настоящему, а не как в прошлый раз. И что уповаешь на такую же заботу о простом люде со стороны уездных властей.

— Возмутительно. А в прошлый раз, когда случился прорыв плотины... Это тоже он постарался?

— По чести сказать, не знаю, — отвечает Нариакера уже без гримас. — Только как раз перед тем мои ребята его человека подстрелили.

— Но если так, он должен был пробраться на храмовую землю и там испортить запруду? Или нет?

— Что ты монахинями любопытствуешь, это, я думаю, правильно. И монахов не забывай. Тебе-то можно, а мне к ним хода нет.

— Не хотелось бы мне явить простодушие чужака. Допустим, кто-то мне напишет или лично представится и назовётся Барамоном. Как мне определить, он это или не он? Я уже слышал, он легко меняет обличия...

— И выговор, и слог. Может изъясняться и по-здешнему, и по-столичному, и по-восточному. Я-то думаю, не в том дело, что Барамона нет, а в том, что их несколько и действуют они заодно. Иными словами, Барамон — это не человек, это учреждение. Межземельное.

Зло неизбежно

Асано Иэнори, слушатель

— Я не дитя! — возмущается Сандза.

Сегодня должен пройти обряд. И да смилуются боги и будды, чтобы не вышло совсем безобразной потасовки. Какая-нибудь выйдет, кажется, неизбежно, но пусть хотя бы без кровопролития.

Уездный начальник Нарифуса явил мудрую предусмотрительность: развёл враждующих по разные стороны управы. На восточном дворе воссядут монахи и будут проповедовать для мужчин — чиновников, охранников и остальных. На западный двор пригласили женщин, детей и прочих, кому предстоит не сопровождать груз к наместнику, а дожидаться дома благополучного возвращения мужей и отцов. Там будут проповедовать монахини, для них уже освободили часть дома с выходом на западное крыльцо.

Не разорваться же мне. Нам надо следить за обоими дворами, так что отроку моему временно придётся побыть дитятей.

— Может, ты бы, господин, сам лучше переоделся дамою?

Я беспощадно отвечаю:

— В случае разоблачения тебе меньше нагорит.

С этим Сандза согласился, хоть и без удовольствия.

С утра колокольный звон слышен над горами, звонят, похоже, в обоих храмах. Неужто досточтимые заключили перемирие? К управе движутся два шествия, монахов и монахинь, и не видно, чтобы по пути те или другие успели подраться. Заходят в городок с разных сторон. Плащи, посохи, чаши — всё в строгом, но изысканном вкусе: кем бы ни был на самом деле распорядитель Сэйсо, но выходные облачения у его подопечных безупречны.

Другой вопрос — что сейчас поделявают ревнители устава из числа мирян. Не воспользуются ли обрядом, чтоб совершить налёт на ту или другую обитель. Или на обе, чтоб не мешать друг другу? Правда, ни настоятеля, ни настоятельницы среди прибывших нет, и я думаю, основные боевые силы остались при них.

Сначала в ворота управы входят монахи, Нарифуса их приветствует, Сэйсо — рядом с уездным. Как подобает, досточтимые трижды выслушивают просьбу о молении и проповеди — и соглашаются преподнести дар Закона государевым слугам. Потом их просят также уделить время домочадцам здешних служилых — и старший монах объявляет: пусть этим займутся наши ученицы. Теперь по уставу могут войти и монахини.

Этого досточтимого я ещё не видел. Пожилой, старше настоятеля, с круглым и мягким лицом. Держится насторожённо. Внимательно пригляделся и ко мне, представителю Обрядовой палаты.

Вот и пойми, где тут тебя морочат. Что они разыгрывают: распрю? А когда надо, могут, дескать, и договориться? Если рассказ распорядителя верен — мало ли, вдруг чувства между старинными влюблёнными не истлели в хорошем смысле слова, и эти двое совместно, в письмах и на деле, изображают безобразную картину, надеясь чего-то тем самым добиться из Столицы. В пользу этого говорит, например, то что я легко ушёл от горцев в прошлый раз: если бы погнались — конечно, поймали

бы. Кстати, мой проводник сидит тут же, во дворе, с самым благочестивым видом. Или всё-таки распря настоящая, а для виду изображается сегодняшняя кротость?

Лица и голоса у монахов разнообразны. Похоже, не все тут местные уроженцы, как настоятель и говорил. Вполне можно представить, будто здесь, как и сказано в «Книге Золотого Света», Почитаемого в Веках славят все народы: если не мира, то хотя бы Облачной страны. Обряд ведут стройно, красиво и внушительно.

И не знаю, как этого добились, но пение монахинь отсюда почти не слышно — только отзвуком доносится. Должно быть, таково свойство горной долины, где построен управский городок. И это надо будет иметь в виду: когда мне рассказывают, будто здешние жители ничего особенного не слышали в такой-то час при таком-то случае, — не обязательно врут, возможно, просто разбойники или кем бы ни были напавшие на дом Хокумы хорошо знали, как распространяется звук.

Проповедовать будет круглолицый старик. Тут стал прислушиваться даже Нариакира, хотя поначалу больше следил за воротами и оградой, а не за обрядом. Проповедь из таких, какие я люблю: по сути, просто пересказ на Облачной речи избранных мест из священных книг. Но подбор отрывков примечательный: наставник чередует самое расхожее — с редкостным, ясное — с трудным для толкования. Многих выдержек я не опознал, записал бы, но сейчас не на чем и нечем. Попрошу потом — вдруг дадут всю проповедь в письменном виде или хотя бы наброски к ней.

Если брать общий смысл, то наставник никого не пытается обнадёжить. Зло неизбежно в нашем мире, что кому суждено — ранняя гибель или чудесное спасение — зависит от прежних деяний. И всё, что люди могут — исполнять свой долг, как его понимает каждый в своей семье и на своей службе. Ибо уклонение от долга отдаляет спасение. Сказано: чтобы последовать за Просветлённым, человек выходит из дому. Не всегда это значит постричься в монахи, выход в путь за мирскими надобностями — тоже выход, и кто из-под которого крова вышел, обуславливает и нужды его, и задачи на пути к общей нашей цели, свободе.

Нарифуса слушает и кивает.

А я продолжаю недоумевать: как получилось, что никого из монахов здешней обители в своё время не отобрали для храма Облачной рощи? Говорилось ведь: из лучших храмов, наиболее преуспевших в ученье и подвижничестве... Или их приглашали, а они откупились? Или предупредили: мы пойдём, но если учесть, из-под какого крова мы при этом выйдем, слишком вероятно, что по пути нас перехватит некий Барамон, враг Закона, и водворит обратно в наши горы. Ибо тщеславен и желает подле себя слушать лучшие проповеди...

Наставник говорил не очень долго. Умолк — и стало слышно, как на соседнем дворе кто-то рыдает. Но, похоже, не от страха, а просто младенец у кого-то из прихожанок устал или проголодался.

Когда монахи встают с мест, я подхожу к проповеднику с просьбой насчет записи. Он отвечает:

— Почему же нет? Красноречие моё скудно, но знаний я не стыжусь. Учился у хороших наставников!

— Восхищён тем, как поставлено дело в храме Золотого Света. Хоть и прибыл я сюда в связи с жалобами, а не хвалами...

— А что — жалобы? Нелады наши с ученицами? Итог прежних деяний. Ибо из всей нашей братии ни о ком нельзя сказать, что в прошлом, в миру, не имел он опыта семейных дрязг, в том числе с женщинами. Разве что один — подкидыш, родни своей не знал, но и такой опыт сам по себе разжигает страсти... семейного свойства.

Ну да, как ни о каком из домов на свете, по слову Просветлённого, нельзя сказать, что там неведом страх смерти.

— Пусть лучше это, — продолжает монах, — чем худшее: прения о конце времён. Сейчас-то хотя бы понятно, из каких щелей лезут наши змеи, наши страсти. Крушения же мира никто из нас не пережил и не видал.

— Что и не удивительно.

— Если же верить пророчествам, то и не увидит в этой жизни. Кто увидит в будущем, тот не расскажет: некому будет слушать. А кто твердит, будто ему явились видения и будто он знает, как всеобщую погибель устроить хоть завтра, — лжёт.

И глядит мне в глаза:

— Не заблуждается, а злонамеренно лжёт.

А что, если собратья досточтимого Кобэна ещё больше сведущи в делах нынешнего века, чем я думал? Знают: этот вот Асано уже однажды отличился при разгроме столичной общины почитателей Мироку, и не за тем ли он прибыл сюда, чтобы такую же общину обнаружить близ Водопадов? Очень вовремя, всего-то через три года после смерти лжеучителя Этибо... Обнаружить — и что тогда: уничтожить? Или узаконить?

Я отвечаю:

— Кто искренне верил бы, будто знает, как уничтожить мир, тот уже пустил бы своё знание в ход. А кто сам не действует, только вещает, подстрекает других людей доломать якобы прогнившее мироздание, — те лжецы, с этим я согласен.

Старый монах кивает. И продолжает:

— Также скажу: жалобы небеспричинны. Но если кто из моих собратьев подвержен чванству и властолюбию, то пусть лучше превозносится над ученицами, среди которых такие, гордые, тоже есть, чем тягается со столичными храмами, добивается высочайшего покровительства, учреждает новый помост для посвящений...

Вот только помоста не хватало, в самом деле. Таких мест, где можно законным образом мирянина посвятить в монахи, не просто постричь, а призвать на храмовую службу, в Облачной стране всего четыре. И каждый раз, когда речь заходит о пятом, у господина главы Обрядовой палаты заболевают зубы. Кем бы ни был оный глава: так повелось уже столетиями.

Нет, досточтимые, только не помост.

Едва лишь я поблагодарил наставника и тот отправился угощаться, как ко мне пробрался мой отрок. Подмигнул и прошептал:

— С тобой желает перемолвиться проповедница. То есть это... В общем, просят зайти в управу, на жилую половину.

Стало быть, пока на одном крыльце трапезничают монахи, а на другом их ученицы — самое время для тайных переговоров? На всякий случай спрашиваю:

— А о чём наставница проповедовала?

Сандза закатывает глаза:

— О чём только не нарасказывала! И о раскаявшихся разбойниках, и о бешеном слоне, и о потерянном сокровище — ну и всюду выручала Чуткая ко Звукам! На самом деле — увлекательно рассказывала. И меня никто не опознал!

Только тут я с некоторым ужасом замечаю: он решил-таки, что дитятею не будет, а лучше уж девицею. Скромной такой: на голове платочек, ворот халата чуть не на лоб натянут...

— Где ты платье-то раздобыл?

— Ой, мне ж вернуть надо! Пока не хватились!

Только его и видели.

Будем надеяться, что Сандза его позаимствовал без спросу. А то, если выяснится, что он уже тут с какой-то девицей наладил столь близкие отношения, что одёжками меняются, — пойдут слухи...

Прохожу через пустую управу — сейчас, когда все служащие благодарят монахов, она кажется просторнее. Из-за перегородки уже на жилой половине меня окликают. Похоже, знакомый голос. Досточтимая Дзюки.

— Господин. Я знаю, зачем ты на самом деле сюда приехал.

Очень любопытно. Но — ожидаемо: разбирательство межхрамовых споров тут, кажется, уже многие считают лишь прикрытием.

— Я сперва думала — из-за Киндзи. Но нас посетила госпожа Мидзуно, сказала: ты у них был, расспрашивал. Если надо, я могу рассказать... как это было. Я видела.

— Это ты молилась над прежним начальником охраны в его последний час?

— Ну да. Я же до пострига служила у старой госпожи Мидзуно. Из их младшей родни, можно сказать.

— И тебя старый господин Хокума не гнал?

— А я не к нему приходила, а молодой госпоже. Она меня — приглашала. А что старик говорил, когда я в углу там читала... я даже не знаю, видел ли он меня.

И вздыхает:

— Бывает так, что человек муки ада принимает уже при здешней жизни. Вот и тут... Он и сына-то не сразу узнал.

— Но всё же успел с ним поговорить?

— Ох, да. Для старого господина — не знаю, может, оно и к лучшему было, грех сказать. А молодого он загубил. То есть тот — сам себя загубил.

— Верно ли я понимаю, что на смертном одре старший Хокума потребовал, чтобы какое-то его дело довершил сын? Покончил с главарём разбойников или вроде того? И младший Хокума повиновался, хоть означенная особа и была — из тех, кого в ваших краях трогать не принято? Ибо — обычай гор...

Дзюки говорит:

— Почему гор? Это общий обычай. Ты... У тебя почти верно получается, только это не разбойник был. Всяко не главарь.

— А кто?

— Ох... Помнишь, как царь Адзясэ... что он сделал?

Индийский царь, современник Просветлённого, отцеубийца... А ведь не могу сказать, что я чего-то такого не боялся.

Хокума Масахиро из дома Конопля приехал проведать недужного родителя. Нашёл того в адских муках, как она сказала. И в окружении заботливой родни. Отец велел, чтобы сын подал ему, чем зарезаться? Отсюда и кровь, а никаких разбойников не было. Или старый стражник попросил: добей, и сыщик Хокума добил, сам.

— Но почему...

Монахиня за перегородкой зашуршала платьём:

— Сюда идут. Я дорасскажу, но в другой раз.

— Где и когда?

— Приходи завтра опять в скит, мы туда отпросимся.

Хуже некуда

Асано Иэнори, слушатель

Конечно, на следующее утро я отправился в горную молельню. Понадеялся, что не перехватят – ни меня, ни монахинь, пока я без подношений. И действительно, обошлось.

Но я по-прежнему не понимаю, как могло случиться то, о чём говорит наставница Дзюки. Ведь если было отцеубийство, страшный грех и скверна в доме Конопля, – я должен это помнить. Ещё до возвращения Хокумы, в то самое утро, как погиб его отец, глава дома Асано должен был созвать всех родичей. Даже если бы я сам не почувал, что осквернён, — узнал бы. Вообще за свою жизнь я помню пять чрезвычайных очищений, когда кто-то из Конопляных погибал злою смертью. Ни один из тех случаев, если только я совсем не сбился в расчётах, не подходит по срокам. А дневника за нужный год у меня с собою, конечно, нет, проверить не получится.

Не представляю, как мог Хокума после такого вернуться на службу, не просто в Столицу — в Государев дворец. Как допустили? Я уж не спрашиваю, где сам он нашёл силы. Если примерить на себя — может быть, я бы на что-то подобное решился, для батюшки — не знаю, для дядьев или братьев едва ли, а для деда... Или для прежнего государя... Не дайте боги. Но ни на какую службу я бы потом точно не годился. Не хватило бы духу умереть вослед — ушёл бы в монахи. Однако, допустим, сыщик Хокума был беспримерно твёрдый духом человек. Что такое он умел, или знал, или собирался сделать у себя в Полотняном приказе, что его не уволили после того, как он осквернил весь Дом? Дед не мог не знать. Сколько бы ни было у Масахино знакомых жрецов, сколько бы очищений ему по дороге ни устроили. А если дед знал и решил пренебречь — то ради чего?

Мог приказать Государь. Почему, всё равно не понимаю, но не затем ли меня сюда и отправили, чтобы разобраться?

Или — не было осквернения. Но — как? Не было отцеубийства, потому что Масахино по рождению никакой не Хокума, вообще не родня дому Асано? И даже не был приёмным сыном начальника охраны. Тогда ради чего бы этим двоим выдавать себя за отца и сына перед роднёй, соседями и всеми причастными? Немыслимо. Разве что был когда-то настоящий Масахино, потом куда-то делся, и с некоторых пор в его обличье действовал подменный. Посланец уж не берусь вообразить из каких миров... Ну, да: для человека страшный злодей, а для демона в самый раз. Но опять-таки: как этакий демон мог не быть разоблачён во Дворце, в доме Конопля, всюду, где сыщика проверяли жрецы? Или у Масахино был двойник, вне Столицы орудовал он... А где тогда был сам сыщик? На каком тайном задании? Нет, не складывается.

Или милостива была наша Конопляная богиня, и видя, что Масахино пошёл на убийство из сострадания, сама очистила его? Да: и кажется, только так могла помочь им обоим. Человек способен убить родича, а никто из богов своих детей не убивает, никогда, даже чтобы избавить от мук. Но раз уж Масахино решился, богиня помогла, чем могла... И тогда, раз не было скверны, то и дед может до сих пор ничего не знать. А Государь?

За этими мыслями даже не заметил, как добрался до молельни — впрочем, ни разу не оступился и не упал. А там — всё как в прошлый раз: те же монахини на ступенях сидят с листками, так же луки отложены в сторонку. Только вот история сегодня, кажется, уже другая.

— И вот, когда и царевич, и царевна убедились, что родители их непреклонны, они решили отринуть свои венцы и дворцы, бежать в горные леса и жить там в бедности, но вместе. Питаясь кореньями.

— Погоди, но царевич-то у нас пока не особенно праведный. Может быть, он и охотиться собирался.

— Потом прикинем. В этом что-то есть. Ладно, так или иначе однажды ночью он тихонько подъехал к царевниным палатам на верном слоне, — и увёз!

— На слоне? Тихонько?

— Ну это же не лошадь, у слона копыт нет, а мягкие лапы!

— Ну, тебе виднее. Я думала, они когтистые.

— Нет, я в Столице на картинке видела. И, значит, увёз. Построили они в лесу хижину и стали жить там в любви и согласии.

Так... И родился у них мальчик, и подкинули его на воспитание в дом местного начальника стражи. А на роду этому дитяти было написано убить отца — потому царь-отец и отказывался поженить царевича и царевну... Впрочем, я пока не понял — они случайно не брат и сестра, индийцы эти? Мёрэн с Кобэном — всё-таки нет... Говорил ли досточтимый Сэйсо, когда именно сложены те знаменитые стихи? Хокуме Масахиро было около тридцати, когда он сгинул... А у нашей пары — мог бы оказаться сын примерно этих лет? Кажется, да.

— А насчёт охоты ты совершенно права, — говорит тем временем досточтимая Киндзи. — Потребовалось добывать пропитание, и царевич каждый день уходил на охоту и убивал зверей и птиц. А потом так увлёкся, что охотился целыми месяцами, не появляясь дома. А бедная царевна сидела одна-одинёшенька и ухаживала за слоном.

— Погоди. Я уже начинаю подозревать, что и под слоном ты кого-то подразумеваешь — в смысле, что он тоже потом возродился в Облачной стране и в наше время.

— Об этом я не думала, но — совершенно не исключено! И вот, истосковавшись одна, потому что ребёнка у них так и не родилось, царевна...

— Стой. Кто-то сюда пришёл. Без слона и даже без коня, но топает громко.

Захожу во двор и почтительно приветствую монахинь.

— Перерыв, — объявляет Дзюки. — Я обещала рассказать господину чиновнику для особых поручений о его родне.

Понятно, что поодиночке монахинь в скит не отпускают. Но, стало быть, Дзюки собирается говорить при своей подруге? Похоже, что так: усаживается, собирает листки и, не поднимая глаз, продолжает словно с того места, на котором вчера остановилась:

— Отказать молодой госпоже Мидзуно я не могла. Настоятельница тоже одобрила: господин начальник охраны в молитвах нуждался. И сам он это знал: посылал за своим учителем, отшельником Этибо, но тот не пришёл. Потому что прийти было бы правильно, а Этибо ничего правильного делать не желал. Учил: раз настал Последний век, значит, надо делать как хуже. Чтоб век поскорее кончился, когда всё предречённое исполнится.

Почти этими же словами свою веру излагал при мне сыщик Хокума — в тот злополучный вечер в доме Наммы.

— Однако же, — говорю я, — Просветлённый не только предрёк бедствия, каковым предстоит явиться при кончине мира, но и точно назвал их сроки. Стараться тут что-то ускорить — бессмысленно!

— Меня в этом убеждать не надо, я не из учениц Этибо, — отвечает Дзюки. А Киндзи неожиданно подхватывает:

— Конечно, сейчас творится много всего страшного — и в Облачной стране, и, наверное, во всём мире. Лгут, убивают, предают. Пожары и наводнения. Но разве это только сейчас так? Если почитать книги — во времена проповеди Почитаемого в Веках творилось то же самое, если не

хуже! А уж тогда-то точно был не Последний век! А наоборот, самый первый!

Вот чего мне не приходило в голову — что их «Индийская повесть» это ещё и спор с отшельником Этибо. А ведь неудивительно, учитывая, сколько у него в округе было приверженцев.

— Ладно, — говорит Дзюки. — Сперва господин начальник охраны действительно требовал, чтобы я ушла. Но встать он не мог, и даже кинуть в меня чем-нибудь у него сил уже не было. Так что вместо этого начал рассказывать мне вот это, про подвижника Мироку и конец времён. Или не мне, а себе — когда он говорил, ему словно бы легче становилось. Так и пошло: я в углу сижу читаю, он кричит, молодая госпожа с мужем из дома слушают. И так дней девять-десять кряду. А потом приехал из Столицы его сын.

— Ты его раньше видела?

— Если и встречала, то очень давно. Я же тогда при старой госпоже жила, когда он служить уехал. А к отцу он вроде бы редко приезжал потом.

— Я слышал, что начальник охраны сына своего сперва не узнал. А ты уверена, что сестра — узнала? Что это действительно был их родич, а не кто-то ещё под его видом?

— Молодая госпожа — не сомневалась. — решительно заявляет Дзюки. — И теперь не сомневается. И потом, господин уездный начальник — он ведь в Столице бывает. Он-то не мог ошибиться.

Может, и так. Но я Нарифусу в лицо бы не узнал, хотя вполне мог видеть во время этих его наездов.

— Да и старик — он ведь вообще даже домашних то узнавал, то нет. И тут скоро одумался, по имени называл молодого господина. Тот-то явно не ожидал, что всё настолько плохо. Что господин начальник охраны умирает, ему, наверно, написали, а вот как умирает — нет.

— Может, и зря, — подаёт голос Киндзи. — Если бы родичи друг другу больше рассказывали — всем легче было бы.

— Сперва господин начальник охраны, как узнал сына, обрадовался. Но он такой был человек — сразу начал стращать. Сперва — как обычно, про Последний век. Потом — с примерами: как здесь родня его мучает, наставник бросил. Но что всё это, мол, правильно. Только вот у него больше уже сил нет терпеть. Меч его спрятали, до колодца не дойти, кормят силком. Это, кстати, всё правда так было.

— Если старик от еды отказывался... Из моей родни одна старуха так умирала, тяжело... Её не заставляли есть, с тех пор как сказала, что не хочет. А тут — зачем?

— Госпожа — почтительная дочь и долг свой понимает так. А ее супруг, может, и уступил бы, только что о нём тогда бы начальство подумало? Он же мечтает, чтоб его в Столицу перевели... Вот и мерит добродетель чужими мерками.

— Понятно.

— Днём я тогда легла передохнуть, заснула, только слышала, недужный кричит опять. Не знаю, что. Ночью села читать дальше. Молодой господин всё там же был, при отце. Старик просил: прикончи. Стыдил: ты, мол, воин, должен... А потом, уже под утро — стал просить, чтобы сын ему свою саблю дал.

— И что сын?

— Этот Полотняник его не отговаривал, не возражал ничего — сидел и слушал. Старика — и меня. Только я, наверное, плохо читала, потому что он кинжал вытащил и господину начальнику охраны подал. Я не мешала — уже сколько дней тут, знала уже, что у недужного сил не хватит этот клинок даже поднять. Какая уж там сабля... Так и вышло: старик схватился за рукоять, потянул — и уронил. И заплакал.

Достоchtigая Дзюки замолчала. Я не тороплю. Потом — заговорила снова:

— Тогда молодой господин вдруг ко мне поворачивается. Дождлся конца строки и молвит: «Покурили бы тут чем-нибудь. Или лекарь не велел?» Я-то уже обвыкла, а для него этот запах... Но у меня никаких курений с собою не было, я отвечаю: «Надо хозяйке сказать», — и повернулась к двери. Всего на миг. А он успел кинжал подобрать. Я ещё обратно не обернулась к ним, а слышу — булькнуло. Быстро вышло очень.

Поднимает глаза:

— Что меня больше всего удивило. Молодой господин стоит с клинком в крови. Молчит. Совсем недолго стоял, потом во двор вышел. И перед тем, как выйти, — кинжал вытер одеялом и обратно в ножны вложил. Почему-то это меня тогда больше всего напугало. Что — вытер.

— И сразу ушёл, — говорит Киндзи сердито. — А достоchtigой Дзюки пришлось всё рассказывать господину и госпоже Мидзуну.

То есть она эту историю уже слышала.

— Вот, в общем, и всё. Говорят, молодой Хокума сразу пошёл в управу признаваться, но этого я сама не видела. Не до того было. Там в доме ещё ребёнок проснулся...

— Понимаю. А что говорят? Не дошёл он до управы? Кто-то его перехватил?

— Да нет, дошёл. И так нехорошо, а ещё там, у господина уездного, с утра как раз его родичи сидели, отрок и дева. Те, которые из святилища.

— Ох...

— Госпожа-супруга уездного так пересказывала. Будто бы входит этот Хокума, просит передать: так и так, я совершил убийство. А господин Нарифуса его в дом зовёт. Расспрашивал, что да как, потом сам ему браги налил и говорит: грех так судить, а что батюшка твой отмучился — оно и благо. Но ты-то, мол, крепись, горюй, да с ума не сходи: никого ты не убивал. Тот: да убил же! А господин уездный: не выдумывай. Вот и отрок с девой говорят: нет на тебе крови. Тень смертная есть, оно и понятно, а крови нет. В общем, будто ему всё померещилось. И мне, значит, тоже. Молодой Хокума вскочил, взял на казённой конюшне коня и уехал. И больше не появлялся.

И как это понимать? Надо будет расспросить Нарифусу. А лучше бы, конечно, и самих отрока и деву. Случайно ли так вышло, что эти жрец и жрица оказались в то утро в управе, верно ли, что они на убийце не увидели скверны. Или тут какое-то многоступенчатое враньё — но теперь я уже окончательно в нём запутался.

Многое ещё я хотел бы спросить. И про дела в семье Хокумы, и про повесть. Только не успел. Не выбрал, как продолжить, — а Дзюки вдруг метнулась туда, где лежат её лук и колчан.

Совращать не позволим

Кажется, в этих краях только столичный чиновник для особых поручений не умеет подкрадываться бесшумно. Только что вёлся тихий разговор — а через миг уже двор молельни полон народу, сверкает оружие, кричат так, что ничего не разберёшь. Прежде чем Дзюки успела схватить лук, крепкий поселянин воткнул лезвие совни на длинном древке меж деревом и тетивой — не выдернешь! Поселянина этого Изнори уже, кажется, встречал — когда у него перехватили дары, предназначенные для Лotosовой обители. А где второй лук — уже и не разглядеть.

Так что, вопреки опасениям, это не шайка знаменитого Барамона, а приверженцы достоchtigого Кобэна. От этого, впрочем, немногим легче.

Возглавляет мирян тот рослый монах, с которым Иэнори уже имел беседу в управе. Только сейчас основной его гнев обращён не столько на женщин, сколько на столичного гостя:

— Думаешь, раз ты из Столицы — так тебе всё можно? Мы за ученицами своими — следим! И совращать их не позволим!

Обеих монахинь благочестивые миряне уже схватили в охапку и потащили со двора. У Дзюки лицо разбито, Киндзи, кажется, за оружие схватиться не пыталась и вообще не сопротивлялась. Краем глаза Асано Иэнори заметил: все листки, разложенные на крыльце, как ветром сдуло. Предусмотрительно: уж эта-то глава точно не предназначена для глаз настоятеля Кобэна — по крайней мере, пока не приведена к достойному завершению. Впрочем, если за всеми троими наблюдали долго — листки мог прибрать и кто-то из нападавших. За всеми не уследишь — их около дюжины, кажется.

— О совращении речь идти не может! Мне, как представителю Обрядовой палаты, монахини обязаны отчётом.

— Наедине и в укромном месте? Без наставников, даже без их настоятельницы? Знаем мы такие отчёты!

Что особенно неприятно: среди мирян Иэнори заметил и своего недавнего проводника. Тот, правда, не кричит и за рукава не хватает: прошмыгнул к молельне, заглянул внутрь, кивнул сам себе и — в сторонку.

— Изволь решить, господин, — из-за плеча спрашивает незнакомый голос. — Тебя тащить или уж лучше ножками?

— Куда?

— Вестимо — к Золотому Свету!

Всё, что творится, совершенно неподобающе, но если чиновника поволокут, словно тюк, — это уж будет совсем неладно! Так что Асано Иэнори двинулся своим ходом, хотя и в плотном окружении. В узких местах тропы, правда, приходилось идти гуськом. Давешний провожатый куда-то делся — как раз когда перестраивались...

И чего ждать в этом случае от Кобэна? Будет ли он браниться, или, напротив, радостно приветствует: прекрасно, мол, справился, теперь развратная сущность учениц наших стала очевидна, наконец-то мы их прижмём! И не знаешь, что хуже...

В храме Золотого Света народу сейчас много — и монахи, и миряне. Столичного чиновника и монахинь усадили на разных концах крыльца. Киндзи склоняет голову, словно хотела бы, по столичной привычке, занавесить лицо волосами — но волос-то и нет...

Тот рослый и голосистый наставник, что руководил захватом, громогласно объясняет, как развратника и развратниц застали прямо в святом месте. И изъявляет уверенность в том, что настоятельский суд будет строг и справедлив.

— Позор-то какой! — причитает парочка старых монахов. Миряне таращатся на женщин, кто бранится, а кто посмеивается.

Сам досточтимый Кобэн пришёл не сразу. Смотрит хмуро, первое, о чём распорядился, — чтоб отошли подальше те, кто с оружием. Потом поворачивается к Дзюки и Киндзи, словно не замечая столичного чиновника:

— Хотел бы сказать — не ожидал... Но это, увы, было бы ложью.

Потом спрашивает рослого:

— За луки они взялись?

— Не успели.

— Это хорошо.

— Вот и говорю, — молвит рослый, — всё это балаган и было балаганом с самого начала. Бабье войско... Зачем вас, спрашивается,

вооружили? Кажется, вот случай: целомудрие ваше защищать. И что? Защищали? Отстреливались? То-то!

— Старшая отбиваться пробовала, — сообщает настоятелю один из мирян. — Кулаками.

— От насильника? — любопытствует Кобэн.

— Да нет, от нас!

— А вот это — плохо. Скажи-ка мне, досточтимая Дзюки: что сказано в Уставе о послушании учителю? «Даже если наставник велит тебе броситься в пропасть...»

Дзюки подхватывает:

— «...следует повиноваться». Так ты что — приказываешь, досточтимый?

— Тебе было велено куда меньшее. Всего-то в храм идти. Что же не послушалась?

— Такого приказа я не слышала, — отвечает Дзюки. — Меня сразу мирянин схватил и потащил — и не скажу, чтобы это было так уж по Уставу!

Кобэн покосился на рослого монаха — не с укоризной ли? Иэнори, между прочим, действительно не слышал, чтобы монахиням было приказано отправляться в храм Золотого Света. Настоятель, однако, продолжает:

— «...И подчиняться беспрекословно». Досточтимый, ты приказывал ей?

Монах кивает. Кобэн качает головой:

— Не слышала — значит: не слушала! А что касается мирян... Скажи теперь ты, Киндзи: что говорится в Уставе о встречах с мужчинами-мирянами? «Будь то твой отец, либо брат, либо даже малолетний сын...»

— Любые свидания — только по особому разрешению наставников, — вставляет Дзюки. — Её наставница — я, разрешение досточтимой Киндзи я дала. Моя наставница — настоятельница Мёрэн, её согласиём я заручилась.

— Вот даже как! — поднимает густые брови Кобэн.

— Ещё бы не разрешила, старая сводня. Не храм, а притон растленный! — кричит кто-то из толпы.

Но тут заговаривает сама Киндзи:

— Устав запрещает. Однако же помимо заповедей Устава есть обеты милосердия. Мирянин нуждался в помощи, как я могла отказать? Пусть это будет мой грех.

— Вот как? — теперь настоятель, наконец, поворачивается к Иэнори. — Господин болен? Ранен? Скорбит о тщете этого мира? Нуждается в наставлении? Неужели в храме Золотого Света тебе отказали бы в подобной помощи?

Миряне хохочут.

Чиновник для особых поручений отвечает настолько спокойно, насколько может:

— Я здесь по распоряжению Обрядовой палаты всесторонне рассмотреть распрю между двумя храмами. «Всесторонне» — это подразумевает, что одна сторона не может отвечать за другую. Я исполняю свои обязанности, монахини же — свои, и их ответы содержательнее некоторых иных, что я здесь слышал.

Кобэн, однако, не только не смутился — даже улыбнулся на мгновение, переводя взор с учениц на чиновника:

— Хоть бы сговорились, что отвечать... Уж или просьба о милосердной помощи, или — допрос. Впрочем, боюсь, и то, и другое — лишь прикрытие.

И распоряжается:

— Учениц — запереть, позже я напишу досточтимой Мёрэн и приглашу её обсудить этот прискорбный случай. А мы с тобою, господин уполномоченный, пойдём побеседуем о вопросах, которые едва ли касаются остальных присутствующих здесь мирян.

Тот пожилой монах, что проповедовал в управе, пробирается вперёд, громким шёпотом обращается к настоятелю:

— Досточтимый Кобэн! Про книги, про книги не забудьте!

— Думаю, дойдёт речь и до книг, — вслух отвечает тот. И выжидательно смотрит на Асано.

Чиновник проходит вслед за настоятелем в одну из келий.

— Отпустите монахинь, — говорит он.

— Не раньше, чем осознают свой грех и пройдут надлежащее покаяние. А потом отпустим, конечно. Может, и совсем отпустим, обратно в мир. Как братия решит.

— Братия, как я слышу, их позорит, допуская прямую клевету. Твои соглядатаи следили за молельней и видели: никакого блуда там никто не творил.

— Устав говорит: для монахини остаться наедине с посторонним мужчиной хоть на малое мгновение — равнозначно блуду. А что касается тебя... Думаешь, хотя бы в Столице, не говоря уж о здешней округе, кто-нибудь поверит, что ты допросом ограничился? Монахини молодые, одна так даже хороша собой. Мне верно доложили, что ты свою службу в Палате начал с растления божьей девы?

Верно, к сожалению. И точно, тогда никто не поверил, будто внук главы Обрядовой палаты движим был жалостью, а не похотью. Очень уж той деве хотелось домой, да и жреческих дарований она не являла...

Кобэн продолжает:

— Впрочем, у нас тут не Столица. Нам тебя порочить необходимости нет, а тебе порочить общину — уж прямой грех. Сойдёмся вот на чём: ты в своём докладе и нас, и учениц наших, конечно, пожури. За склонность к пустым ябедам, а порой — и наветам. И за раздувание пожара на мокром месте. Потому что на самом деле, как ты видел, мы тут за благочинием следим и вполне управляемся. Своими силами. А я позабочусь, чтобы Палату больше не беспокоили жалобами. Ни на учениц, ни на наставников, ни на тебя самого.

— Как родич дома Конопля, — начинает чиновник с расстановкой, — я должен был бы ответить: Асано не торгуются.

— Но как умный человек ты этого не скажешь, — кивает Кобэн. — Не торгуетесь, когда сила на вашей стороне. Или ты вправду веришь, будто тебе достаточно велеть «примиритесь!» — и дело будет решено? Теперь уж точно — нет.

— Я готов обсудить твои условия. Но не раньше, чем ты отпустишь обеих монахинь. Со всем, что было при них. Что касается ваших храмовых дел, они, как я обнаружил, во взаимных жалобах отражены далеко не полностью.

Зато теперь понятно, почему здешние монахи не опасались проверки из Палаты обрядов и сами её накликали своими жалобами. Были уверены, что какого чиновника ни пришлют — найдётся, на чём его поймать. На разврате, на мздоимстве, на неблагонадёжных речах. Хотел бы я знать: не ради того ли, чтоб подловить представителя Палаты, и досточтимая Мёрэн так готовно отпустила Киндзи и Дзюки в скит без охраны? Надеюсь, что всё же не так...

Во дворе слышится шум. Кто-то отчаянно кричит. Не дожидаясь настоятеля, монахи сами начали расправу над грешницами? Или ещё кого-то поймали? Сандза им попался на каком-то грешном деянии? Или монахини уже явились отбивать своих?

Чиновник выскакивает на крыльцо. Кобэн поспешает за ним.

Через двор прямо к келье настоятеля шагает незнакомец с саблей в руке. На лезвии — кровь. У ворот дерутся, кто с кем, непонятно, но несколько вооружённых молодцов тоже следуют сюда.

Предводитель остановился перед крыльцом. Наполовину задвинул саблю в ножны из медвежьей шкуры. Поднял глаза. Спросил негромко, с недоумённым видом:

— И с каких это пор досточтимый настоятель занят, когда он нужен мне?

Явно не монах, но и мирян таких Асано Иэнори раньше не видел. Голова без шапки, повязана чёрным платочком. Лицо загорелое, усатое. На плечах диковинный стёганный кафтан, чёрный в белых узорах, одна пола по колено, другая почти до земли. А на ногах не сапоги, как пристало бы воину: поножи и веревочные тапки.

— Зачем на этот раз? — тяжело вздыхает Кобэн. — Да уйми ты своих...

— Сейчас, — отвечает гость. — Я трижды тебе говорил: при нас — чтоб никакого оружия. Здесь мы — стража Закона.

Чуть косится себе за плечо. Видимо, это его люди уже движутся к воротам: один ведёт за руку монахиню Дзюки, другой тащит в охапке Киндзи.

— Не слишком ли увлёкся толкованием Закона, страж ты этакий?

— В самую меру. Господин чиновник тоже отправится с нами.

— С кем это я отправлюсь? — спрашивает Асано.

Гость учтиво, хоть и неглубоко, раскланивается:

— Ты же изволил расспрашивать о некоем Барамоне? Так зачем полагаться на слухи, если можно всё узнать самому? Пойдём.

Пещера

Асано Иэнори, пленник

В разбойничьих рассказах Сандзы пленникам нахлобучивают на голову корзину, чтобы не видели, куда их ведут. Здешняя шайка обошлась без этого, и всё равно очень скоро я запутался: вверх по тропе, вниз, вершина Белой горы то сзади, то впереди... Казалось, в храм вломилось целое войско, а сейчас, как я вижу, нас меньше дюжины. Впрочем, может быть, остальные движутся другой дорогой. Атаман, например, куда-то исчез. Куда дели монахинь, я не уследил, но те молодцы, что выводили их из храма, кажется, здесь. Впрочем, разбойники все на одно лицо и похоже одеты.

Шли долго, до самого вечера. Я совсем перестал понимать, в какой стороне мы от управы. Храмовых башен — и тех не видно. Рокот воды слышно всё время, но которые это речки — поди пойми. Но вот, впереди посёлок: тянет дымом. Правда, чтобы попасть туда, надо взобраться по руслу: ещё недавно здесь явно был водопад, камни покрыты подсохшим илом. Один из разбойников любезно объявляет:

— Не взыщи, господин чиновник, тут ты не поднимешься. А ну-ка!

Подхватил меня на закорки и поскакал между камней.

Наверху десять-двенадцать крыш прямо над землёй: не соломенных, а из коры. Землянки под ними довольно большие. Судя по запаху, кто-то тут готовит мясо. Вода шумит громче, совсем близко. Не удивлюсь, если при надобности где-то здесь открывают запруду — дорогу, по которой меня только что несли, заливают вода, и тогда сюда не проберёшься. И не выберешься, если только ты не здешний горец.

Глупо, наверное, спрашивать, что со мною собираются делать дальше.

Посередине посёлка — подобие улицы, в дальнем её конце куча камней под обрывом. Тут-то разбойник меня и ссаживает на землю, показывает: туда, мол. В тесный лаз за камнями.

Как же знаменитому атаману да без пещеры. Протискиваться внутрь неудобно, с оружием было бы и невозможно. Но дальше стало пошире и свет показался. А потом и целая подгорная зала открылась, шагов десять в поперечнике. Золото, серебро и яшма грудками не валяются, но стоят корзины и бочки. А у дальней стены помост, застеленный полосатой шкурой, и два светильника перед ним. На помосте, как изваяние, восседает Барамон. И кушает из чашки руками.

— Лапшу будешь? — спрашивает.

Кто-то ставит передо мной столик: лапша, брага, квашеные овощи.

Атаман отставляет свою еду, берётся за бутылку, что стояла у него возле колена. Отхлёбывает прямо из горлышка. Я тоже выпью, но есть без палочек не умею.

— Эх... Тётка, найди ему что-нибудь.

Слышится треск, откуда-то откололи две щепки, подали мне. Не много ли хлопот ради пленника? Впрочем, есть всё равно трудно: от сотрапезника моего так и тянет скверной. Свежей, кровавой, — но ещё и другой: как от тяжкого увечья. Понятное дело: разбойник наверняка был не единожды ранен, хоть шрамов снаружи и не заметно.

А может, я просто раньше не видел человека, который на своём веку совершил столько убийств?

Я спросил:

— Что с досточтимыми монахинями Дзюки и Киндзи?

— Скорее злятся, чем напуганы, по-моему. Не бойся: я их не съел. Препроводил на съедение к настоятельнице. Ты у них оружие видел?

— Лук и колчан, больше ничего.

— Это мы нашли.

Про бумаги, скорее всего, спрашивать не стоит.

Атаман вздыхает:

— Многовато в обителях скопилось оружия. И главное — была б нужда...

— Среди монахов Золотого Света есть убитые?

— Сегодня нет. Порезали двоих, но не сильно. И то один — мирянин. Но разоружить наставников наших придётся. И наставниц тоже, для справедливости.

Спрашивается: отчего было не сделать этого раньше?

— Ты, собственно, зачем прибыл-то? В Столице сюда уже новых настоятелей подобрали? Или этим под присмотр кого важного хотят прислать? Последнего — не советую: сам видишь, как у них с порядком.

— Ни то и ни другое. От обителей поступали взаимные жалобы, Обрядовая палата решила разобраться на месте.

— А почему тебя прислали, а не кого-то из общинного начальства? — прищурился разбойник.

Общинный старейшина, высокопоставленный монах, мог бы своей властью назначить и Кобэну, и Мёрэн покаяние, отменить самые безобразные из их распоряжений, а то и сместить. Я всего этого действительно не могу. Означает ли это, что меня прислали для обострения распри, а не для умиротворения?

Вслух, однако, говорю:

— Я из дома Конопля, у нас в этих краях родня.

— Понятно. Но — недостаточно.

Разбойнику Барамону, стало быть, необходимы веские основания, чтобы допустить пребывание чужака в его горах. И я таких оснований пока не представил.

Лицо этого человека мне очень знакомо. Ещё на храмовом дворе показалось, будто я его видел раньше, в Столице. При светильнике кажется ещё сильнее.

То есть именно этой рожи я, конечно, не видел. Усы, косынка, беззастенчивый взгляд в упор. Если мы встречались, то тогда он сидел, не поднимая головы. Тоже не на дневном свету, а при огне.

Дед мой способен без расспросов и расследования, одним чутьём, отличить Конопляника от постороннего. Я, дайте-то боги, не буду главою дома, мне подобное искусство не нужно. И всё-таки кажется: этот человек — младший родич дома Асано. Да отчего бы и нет, если он тоже здешний. Как уездный начальник, как Хокумы...

Он отхлебнул ещё глоток, помолчал. Спрашивает:

— Расследуешь кончину Этибо? Как раз довольно времени прошло, чтоб в Столице спохватились.

— Боюсь, в Обрядовой палате этому отшельнику уделили меньше внимания, чем следовало бы. А здесь, как я уже понял, многие события уходят корнями ко временам его проповеди. А как, собственно, он умер, раз уж о том зашла речь?

— Ну, раз уж зашла... — разводит руками Барамон. — Подобающе умер, в соответствии со своим учением. Я ему рисовый колобок поднёс, он и подавился. Не явный ли признак последних времён такое безобразие?

Бессердечный убийца из разбойничьих баек тут должен был бы ухмыльнуться, если не разразиться громовым хохотом. Нет: смотрит исподлобья, внимательно, даже без улыбки.

Так. Моя задача, стало быть, — не поперхнуться его угощением. Ну, с лапшю всё-таки проще, чем с вязким тестом...

— Странный способ убийства для разбойника. Ты его не зарезал, не придушил своей рукой... следует ли понимать, что для тебя знаки последних времён тоже важны?

— Пренебрегать ими было бы легкомысленно, — пожимает атаман плечами под узорным кафтаном. — Но главное — это самому Этибо подошло.

— Надеюсь, это не значит, — говорю я, — что досточтимый Кобэн будет обеспечен возможностью повоеводствовать...

— А досточтимая Мёрэн — с запозданием, но утонуть? Нет. Все они — люди истовые, но отшельник Этибо всё рвение обращал на своё учение. А о настоятеле с настоятельницей этого не скажешь. Так что тут я им не помощник.

— Насколько я понимаю, ты здешний уроженец.

Атаман кивает.

— Скажи: при прежних настоятелях два храма тоже враждовали?

— Нет. И скажу тебе, почему. Прежде эти наши обители были почтенные, но захолустные. Если кто из дальних мест сюда шёл, то за покоем, а не за славой. Иные святые подвижники то и другое совмещают, но на два храма таких, конечно, не наберётся. И на один-то вряд ли.

И смотрит с видом: сам, что ли, не знаешь?

О да, пример Облачной Рожи тут был бы показателен.

— То есть смена руководства теперь ничего не даст? Монахи и монахини продолжат состязаться, чья слава громче? И не путём прений, учёных трудов и прочего такого, а путём насилия?

Барамон задумался ненадолго. Ответил:

— Тебе виднее. По-моему, они не безнадежны. По крайней мере, некоторые.

Предложить ему, что ли, по списку пройтись, отметить, какие досточтимые буйны, а какие смирыны?

— А что, на твой взгляд, им нужно, чтобы успокоиться?

Впервые он улыбается. Нет, вот этакой улыбки я точно не видел.

— И это меня спрашивает чиновник Обрядовой палаты? Чудо, разумеется.

— Стало быть, было ошибкой прислать сюда меня. Устраивать чудеса я не умею. Только разгрести последствия.

— Тоже подойдёт. Понимаешь, я о таком чуде сам молюсь. Очень мне некстати будет, если сюда пришлют новых досточтимых. С этими я уже как-то сработался.

— Опять не понимаю. Допустим, разбойному атаману нужно место, где держать награбленное...

Он подымает руку — что-то уточнить, но я продолжаю:

— Будь здесь большой город или проезжий тракт, ясно было бы: храмы способны служить укрытием. Но тут, в горах, где у тебя убежищ, я думаю, немало...

— Нет-нет. Нужно место, где беззаконная добыча обращается во благочестивые пожертвования.

— А уж потом — в милосердную помощь нуждающимся? Тогда я, кажется понял.

Да что же это? Вот сейчас он повёл рукой — так, будто бы ему привычно указывать веером. Причём движение не властное, как у какого-нибудь воеводы, а учтивое и чёткое: вот эти, мол, твои слова, уважаемый собеседник, я отмечаю и позже на них отвечу. Очень по-чиновничьи.

Я бы, наверно, вспомнил, где и когда его видел, если бы он пил из чашки, ел палочками, вертел веером, кланялся, шевелил рукавами обычной одежды. Если бы дал мне случай посмотреть на него сверху вниз. Но так, как сейчас, — нет, не получается.

— Просто положить припасы перед изваянием Просветлённого, а потом забрать, тебе, значит, было бы недостаточно.

— Да я почитаю не только Просветлённого, но и Закон его, и Общину. И другие той же веры держатся. Я тебе один совет хочу дать: когда решишь, что с нашими монахами и монахинями делать, устрой, чтоб все они были в сборе. Чтоб никто не отсиделся. Даже тот, кого я сегодня поранил.

И отвернулся, словно сказал главное, что хотел. Ещё бы я понимал, что он имеет в виду.

Тень на камне позади него. Всё-таки очень похож...

— Я хочу спросить ещё об одной смерти. Что на самом деле случилось с Хокумой-младшим?

— Столичным сыщиком?

— Да.

— Так вот зачем ты ходил к досточтимой Дзюки. А то я уж думал, может у тебя к Киндзи какие столичные дела... Ну да, Дзюки свидетельница. Заколел он отца. Почему — меня не спрашивай.

— И часа не прошло, как божий отрок и дева сообщили ему, что скверны убийства на нём нет?

Глядит, как на дурака:

— Я тебе что, жрец?

— А что было потом? Уже когда Хокуму сюда сослали?

— Ну, сюда он точно не доехал. Если спрашиваешь, не мои ли ребята его прикончили, — нет.

До этого он всё больше говорил «я». Значит ли это, что шайка его ни при чём, но сам он подобрал подходящую смерть для Хокумы Масахино? Или даже Барамон не всемогущ и не все головорезы близ Белой горы —

его? Конечно, не все: заезжают и из дальних мест, в том числе и в казённом платье, выполняя приказ дома Асано, тебе ли, мол, не знать...

Или...

— Позволь спросить прямо: он мёртв?

— Сыщик-то? — вскидывает брови Барамон. — Да, конечно.

Большого я, похоже, не добыюсь.

— Возвращаясь к тому, с чего мы начали. Какая смерть, по-твоему, подошла бы мне?

Он ещё раз внимательно, неспешно оглядывает меня.

— Пока не знаю. Но в здешних краях тебе лучше не помирать.

Сработало

Вошёл какой-то малый — из тех, что его вели или другой, Асано Иэнори не понял. Склонился к атаману, прошептал что-то. Барамон кивнул, отпустил разбойника мановением руки и зашарил по помосту. Нашёл ещё одну чашку, плеснул в неё из бутылки. За спиной тем временем зашуршало. Иэнори не обернулся.

— Хотел бы проводить господина чиновника для особых поручений назад в управу, — услышался голос со стороны лаза. Знакомый голос.

— Да мы уж закончили, начальник, — ответил Барамон. — Подойди, выпей с нами.

Окружной глава охраны Нариакира приблизился к помосту. Без оружия, но в потёртом панцире. Посмотрел на полную чашку, пошевелил бровями — в точности как сам Барамон, — протянул руку к бутылке и отхлебнул прямо оттуда. Вытер усы, с поклоном передал бутылку здешнему хозяину.

— Нехорошо получилось.

— Да уж чего хорошего, — откликнулся разбойник. — Моя недоработка. Ну да мы с господином чиновником это исправим. А то мало тебе хлопот с нами — если ещё и монахи начнут пленников захватывать... Жаловались?

— Монахи-то? Нет.

Чашку Барамон пододвигает к краю помоста, поближе к Иэнори. Тот взял, выпил.

— Счастлив был принять столичного гостя, — Барамон отвечает полупоклон. — Будем считать, что — договорились.

Понять бы, о чём именно.

Чиновник и воин выбрались из пещеры, на краю посёлка кто-то из местных возвращает Нариакире его меч и лук. Двинулись по тропе.

— Понимаю, господин, что у тебя тут тайных дел не меньше, чем явных, — проворчал начальник охраны. — Но в другой раз — предупреждай всё-таки.

— Да я и не рассчитывал попасть в плен к разбойникам.

— Разве ж это — плен? Или... — Нариакира быстро, пристально оглядел столичного гостя. — Ты... вполне цел?

Что он, ожидал увидеть отрезанную ногу или отсечённые пальцы? Или — откушенные?

— Благодарю, вполне.

Шли из лагеря другой дорогой — столь же трудно запоминаемой, но уже на полпути показались храмовые башни. Похоже, разбойничье логово куда ближе к управе, чем казалось.

И дышится легче. Что уж делает Барамон с настоящими пленниками — думать не хочется, но что-то скверное творит, несомненно. Надо бы перед возвращением попросить об очищении в святилище.

Впрочем, кажется, туда-то Нариакера и направляется.

— То есть ты в ставку разбойников вхож?

Начальник охраны поводит плечами под панцирем:

— А проку с того? Вошёл — с соизволения их хозяина. Ты ж тамошние подходы видел. Если явлюсь их отсюда вышибать — две трети своих людей положу, а разбойники уйдут врассыпную. Круто здесь для драки.

— Я другого не понимаю. При такой силе, как он показывает, этот Барамон давно мог бы захватить власть в здешнем краю — сесть князьком, и не грабить, а собирать подати в свою пользу. А прислали бы войска на усмирение — его люди точно так же расточатся по горам, где чужакам и вовсе следа не сыскать.

— А войско — останется. И пока тут всё дотла не подметёт, не уйдёт. Да ещё и разбойничьих голов воеводе надо будет с собою привезти. А снимать головы он будет с тех, кто сидит при своих огородах — или должностях — и кому бежать особо некуда. Такого нашему краю даже Барамон не желает, похоже.

Помолчав, через несколько шагов добавил:

— Да и не единственная это ставка. Их сила — не в том, чтобы на одном месте укрепиться, а в том, чтобы в разных уездах и краях иметь себе опору. Дерево можно срубить, в гору — ход прокопать. А ветер — не поймаешь.

— Тогда другого не пойму. Если этот разбойник местный и всё тут знает, как свой двор — это объяснение. Если он со своей шайкой кочует из края в край и потому неуловим — это тоже объяснение. Но друг другу они, по-моему, противоречат.

— Тут ничего ответить не могу, — начальник охраны говорит и в то же время рукой показывает, куда ногу надёжнее ставить. — Как он в других краях управляется — не видел. А что слышал — так оно, скорее всего, враньё. И опять же: кто знает, сколько их, шаек разбойника Барамона? В этом его отряде местных — точно не меньше половины. Наверное, и других землях так же.

Уже на подходе к святилищу чиновник для особых поручений спрашивает:

— Но раз ты его знаешь, Барамона... Сам-то он — кто такой?

Нариакера усмехается:

— Боюсь, что — кем захочет, тем и прослывет. Теперь, может статься, совсем по-новому себя явит.

Всё это Асано слышит уже не в первый раз. И похоже, ничего нового не добьётся. Разве что попробовать зайти с другого конца:

— Хочу лучше понять местные обычаи. Вот, допустим, я обидел кого-то из горцев. Не тут, а в столице, когда преимущество было на моей стороне. Предположим, ударил его. Теперь я здесь и он тоже здесь. Чего мне бы следовало ожидать: великодушия, раз теперь он дома, а я у него в гостях? Или соразмерной ответной обиды? Или горский нрав требует отплатить с лихвой, уничтожить обидчика совсем?

— А что, в Столице принято обижать приезжих горцев?

— Вовсе нет. Я беру случай, когда бы я повёл себя вопреки правилам вежества.

— Ну так и здесь. Как поведёт себя человек, зависит от его сердца, а не от обычаев.

— Я и пытаюсь понять побуждения нескольких здешних сердец. Только отчего-то в ответ мне ссылаются то на обычай гор, то на устав храмовой общины.

— А ты одни и те же вопросы задаёшь? Если в разговорах о разном звучит один и тот же ответ...

...Это можно толковать трояко: либо одинаковые ответы значат разное в зависимости от обстоятельств, либо у тебя что-то с ушами, и ты улавливаешь сходное там, где звучит на самом деле разное, либо, вернее всего, что с тобой не хотят разговаривать.

Место для очищения, разумеется, обустроено при одном из водопадов, чтобы не подымать бадей с водой, а пользоваться естественным током. Чиновников встречают отрок и дева — оба средних лет, похожи друг на друга, как брат с сестрой. Вода холодна, бежит быстро — и вправду, как сказано в очистительном слове, донесёт скверну отсюда до самого моря и до Донной страны.

После обряда дева подаёт столичному чиновнику чистое платье: белое, жреческое. Одеваясь, он спрашивает:

— Нужно ли мне отчитаться, где и как я осквернился?

Не похоже, что дева стала срочно вспоминать, требуется ли нечто подобное согласно указаниями Обрядовой палаты для местных святилищ. Отвечала:

— Зачем? Где и как очистился, брат запишет. А о грязном слушать нам незачем. Скверны на тебе было много разной, но вся смываемая.

Верно: ещё до разбойничьего логова Иэнори побывал в храме, там тоже нечисто — как в любой монашеской обители, даже самой праведной. Да и с дороги не очищался.

Остаётся понять, что делать дальше. Как бы этак в одиночку, без войска, разорить тут всё в достаточной мере, чтобы дело сдвинулось.

Столичный чиновник попросил себе грамоту об очищении. Нет, кровавая скверна туда не записана, то есть ранения двух сегодняшних пострадавших Иэнори может зачесть себе в вину, а может и не зачислять. Не приехал бы — не было бы раненых, двух монахинь не таскали бы туда-сюда, не пропала бы их повесть, если она таки-пропала. В Столицу письма пишут не затем, чтобы проверяющие приезжали. Жалобы сами по себе — достаточное изъявление покорности начальству, отзываться на них — это уж чрезмерная суровость. Не приехал бы — не создал бы повод Кобэну и Барамону для усугубления насилия. Кто-то другой, возможно, повёл бы дело умнее и уже нашёл способ всех примирить, но послали сюда не кого-то, а младшего внука Асано. Учиться на ошибках? Или в Столице тоже ждут чуда, и уже даже надеются, когда примерно оно грянет, и вот его-то Иэнори и должен будет засвидетельствовать?

В дворе управы к господину бросился Сандза:

— Наконец-то! Я уж думал, эти монахи вовсе взбунтовались!

— Всё обошлось. И весьма похвально, что ты остался тут, а не бросился в обитель Золотого Света.

— Вот ещё! Они бы мне всё равно не поверили. Так что я пошёл к господину уездному прямо в присутствие и всё ему объяснил. Тут-то все и забегали!

— Погоди... А что ты им объяснил?

— Ну, что мой господин привёз Государево помилование знаменитому разбойнику Барамону. И что с ними всеми этот Барамон сделает, если с господином что стрясётся.

— Но с чего ты взял?..

Сандза потупился:

— Ну ты же сам велел мне слушать здешние разговоры. Так вот: все сходятся на том, что начёт храмов — это так, прикрытие, а настоящее наше задание — тайное! Это — во-первых...

— Так. А какое во-вторых?

Отрок хлопает глазами:

— Ну так ведь сработало же!

И вот скажите на милость, хвалить за такое или бранить? А впрочем, парень делал, что мог и насколько понимал. Не стоит ли взять с него пример?

Асано Иэнори направился в отведённую для него комнату, Сандза — за ним. Чиновник достал ларец с жалобами, разложил их вокруг; потом взялся за писчий прибор. Меньше чем за полчаса составил два письма — в оба храма, с убедительной просьбой завтра же с утра всем досточтимым без исключения явиться на управский двор для окончательного разбирательства. Нажал на боковину ларца — открылось потайное отделение. Сандза смотрит во все глаза. Нет, не грамота — печать.

Прошлые свои послания в обители Иэнори, как благочестивый паломник, просто подписывал или припечатывал личной печатью. Эта — казённая, Обрядовой палаты.

— Сандза! Ты по-прежнему считаешь, что Барамон — это здешний мирской управляющий?

— Ну да. С виду и не скажешь — но он же, говорят, мастер обличья менять.

— А как он, по-твоему, выглядит на самом деле?

Отрок выпрямился, одной рукою подбоченился, правую бровь поднял, на рожице — величайшее презрение к окружающим его ничтожествам.

— Руки в боки — не надо, а в остальном — хорошо. Вот с такой миной и вручишь оба послания господину уездному начальнику для передачи в святые храмы.

А после этого Асано Иэнори засел в своём покое, объявив, что сегодня ему не должно кого бы то ни было видеть или слышать. Мало ли какой зарок могли наложить в святилище! Как сказал бы Сандза, — сработало: никто его тревожить не посмел.

Пропали

Вопреки опасениям, на следующий день задолго до полудня явились и монахи, и монахини — кажется, все, общим числом под сотню человек. Во дворе управы им было бы очень тесно, так что сошлись на площади, на радость зевакам. Принесли и собрали сиденья — для Кобэна повыше, для Мёрэн пониже, хоть и самую малость. Остальные обошлись циновками или остались стоять. И пожалели об этом, ибо представитель Обрядовой палаты выходить не торопился.

Зато казённые охранники были начеку — на случай, если начнётся свара и придётся разнимать досточтимых. Хорошо хоть, монахи и монахини пришли безоружными, а их самых рьяных почитателей господин Нариакира отнёс подальше.

Только через полчаса появился, наконец, столичный чиновник, с ним — господин уездный начальник, оба в полном служебном уборе, и храмовый распорядитель Сэйсо. Уселись наверху лесенки, что ведет к воротам управы. А сбоку устроились местный управский писарь и слуга господина Асано с ларцом в руках.

Кто видел в минувшие дни скромного и мягкого столичного гостя, могли бы подивиться: ныне лик его под пудрой был недвижим, рукава колыхались величаво, а глаза смотрели неласково. Поприветствовав досточтимых, он, однако же, сразу явил им своё недоверие: по спискам зачитал подряд имена монахов, с указанием — когда посвящён, у какого наставника обучался, когда прибыл в здешнюю обитель. И в каждом случае просил подтверждения всех этих сведений.

Досточтимая Мёрэн немедленно извлекла из рукава свой собственный список и тоже начала по нему проверять, делая пометки у каждого имени. Настоятель Кобэн возразил: не дело ученицы пересчитывать учителей!

— Но мы же должны знать наших досточтимых наставников! — ответствовала настоятельница. — Дабы бремя нашего обучения не ввалил на себя какой-нибудь самозванец.

Самозванцев, впрочем, не обнаружилось, хотя в бумагах Обрядовой палаты и оказались перепутаны в одном случае — год посвящения, а в другом — место обучения монаха. Асано Иэнори тут же внёс поправки и указал на важность неукоснительной точности для порядка в общине. С монахинями переключка заняла ещё больше времени, так как на каждое имя откликнулись и сама ученица, и кто-либо из наставников. Одна образованная женщина сочла нужным указать, что имя её пишется необычным знаком: не «Мё-Чудесная», а «Мё-Непостижимая». Асано переглянулся с распорядителем и попросил для сверки все списки: Кобэна, Мёрэн, Сэйсо, — чтобы сверить все знаки со списком Обрядовой палаты.

А покончив с этим, уже ближе к полудню, почтительно попросил досточтимого Кобэна прочесть вслух все двести пятьдесят заповедей Устава. Многие ждали, что после этого, словно на покаянии, Асано спросит: «А теперь признавайтесь, кто из вас какую заповедь нарушал?» Что вызвало бы, конечно, недовольство — ибо и сам он чиновник, а не монах, и время сейчас для покаяния неуставное. Но обошлось: как только Кобэн замолк, посланник Обрядовой палаты предложил уже досточтимой Мёрэн зачитать заповеди для монахинь, числом триста сорок восемь. И все слушатели должны были признать, что чтение Устава звучало равно внушительно в устах как настоятеля, так и настоятельницы, и оба ни разу не сбились.

А потом сам господин посланник прочёл вслух законоуложение о храмах Облачной страны. Оно, к счастью, куда короче заповедей.

За это время часть ротозеев заскучала и разошлась, к облегчению управских служащих. А один, весьма престарелый монах, кажется, задремал.

И только после этого Асано Иэнори перешёл собственно к делу.

«Когда Почитаемый в Веках создавал свою общину, многие говорили ему: ничего не выйдет. И цари, и жрецы, и отшельники, и даже сами его ученики. Просветлённый отвечал им: да, будет трудно, очень трудно, и с каждым веком труднее. Предсказывал он и раздоры между монахами, и порчу нравов, и нарастание невежества вместе с ложными толкованиями. Как и весь наш нестойкий мир, храмы, увы, подвержены разрушению, и не извне, но изнутри. Тело мертвого льва, говорил Просветлённый, не пожирают другие звери, птицы и гады, но только черви, что гнездятся в нём самом. Всё это известно из книг Закона. Однако нигде, ни разу в них не сказано, будто разложение общины — хорошо. Отнюдь не предписано приближать её упадок. Доводится слышать: если худшее неизбежно, так пусть же будет чем хуже, тем лучше. Но Почитаемый в Веках, как я слышал от моих досточтимых наставников и сам читал, — не говорил ничего подобного. Напротив: ни в чём не делай хуже себе и другим, делай лучше и чтить всякого, кто действует во благо тебе или другим, следи за умом своим, чтобы не перепутать хорошее с дурным. Так, по слову Просветлённого, судил он сам и все, кто с ним согласен.

Когда на наших Облачных островах впервые явились обритые наставники из страны Кудара, нашему Властителю Земель тоже многие говорили: ничего не получится. Слишком далека от нас Индия, слишком давно сказаны были слова Закона, слишком чужд нам монашеский обычай — порвать семейные связи, уйти из родного дома, выше всех благ

поставить освобождение... И всё-таки наш Государь решил: попробуем! Тому уже больше четырёх столетий, и до сих пор ни один из Властителей Земель не объявил, что проба не удалась. Нет! Каждый говорил: продолжаем!

Я, служащий Обрядовой палаты, мирянин из дома Асано, неучён и малоопытен, но милостью родни моей и учителей довелось мне побывать во многих обителях нашей страны: и поблизости от Столицы, и вдали от неё. Не скажу, что мало я видел расходящегося с уставом общины, противного закону Государеву. И всё же перед роднёй моей, перед Властителем Земель и перед родными богами рад буду подтвердить: я слышал Закон Просветлённого, видел его общину. Всюду, и в том числе здесь, на Подступах, при Водопадах.

Сказано было не раз: учение Просветлённого каждому даёт лекарство, способное исцелить его недуг. И я не верю, что разлад между здешними двумя обителями неизлечим. Ведь сказано в книге Золотого Света: кто встал на путь милосердия, для того нет разницы между знатным и простым, близким и дальним, мужчиной и женщиной. А в книге Цветка Закона показано: и мужчина, и женщина, и царь, и раб, и человек, и бог, и демон — все способны пройти путь к свободе и обрести её. Думаю, это главное. И исходя из этого — вот что я хотел бы предложить досточтимым монахам и монахиням.»

Чиновник переводит дух, но продолжить ему не дают. Уже некоторое время слышно: в задних рядах какая-то возня и ропот. Теперь вперед выталкивают двоих встрёпанных поселян. Они, не зная, кому прежде кланяться, падают на колени посреди площади.

— Что такое? — спрашивает уездный начальник.

— Да мы...

— Там... Сами видели!..

И заливаются слезами.

— Говорите толком, что вы видели.

— Заступницу Чуткую!

— Её саму! На дереве!

Настоятельница Мёрэн взглядом и поклоном просит разрешения мирских властей: давайте я буду задавать вопросы, дело по моей части. Уездный кивает. Досточтимая с непререкаемым видом кланяется Кобэну: мне приказано, наставник, не могу послушаться! И говорит поселянам:

— Не бойтесь. Рассказывайте.

Поселяне, оказывается, ходили за хворостом. Объясняют, куда: на один из склонов здешних гор недалеко от Лotosовой обители. Как вдруг заметили: в ветвях старой сосны под обрывом кто-то шуршит. Испугались, не медведь ли, хотя на медведя и не похоже. Пригляделись — а это подвижница, Чуткая ко Звукам! Стоит на ветке и покачивается, глядит этак благостно, а ручкой показывает вот так. Вернее, этак. В общем, куда-то показывает, куда, мужики не уверены. А вокруг свет сияет.

Сомнение отражается на лице столичного господина. Чудо? Заступница вняла молитвам атамана Барамона? Разбираться с последствиями чудес вообще непросто, но особенно — если эти чудеса не настоящие, а подстроенные. Пожалуй, если бы монахиня Киндзи, грех сказать, нарядилась милосердной заступницей — была бы похожа. Но она тут, среди других досточтимых. Найти красавицу-горянку, наверное, тоже могли... Или поселянам померещилось. Или они врут.

— Считаю надобным прервать собрание. Слыша подобные рассказы, следует пойти и проверить лично, — заявляет настоятель Кобэн.

— Поддерживаю, — улыбается Мёрэн.

Что тут остаётся? Похоже, предложений Обрядовой палаты никто сейчас слушать не будет. Все повалят смотреть на чудо. Так что столичный

чиновник согласился прерваться — и отправился вместе со всеми. Уездные власти и Сандза — тоже.

Место крестьяне указали знакомое, и сосну эту Иэнори помнит: именно тут его поднимали в корзине к Лотосовой обители в первое её посещение. И что кто-то на ветвях покачивался — это, кажется, ещё мягко сказано: иные и сломаны, у корней куча игол насыпана и толстый сук лежит. А вот ни сияющего света, ни самой Чуткой ко Звукам нет как нет.

— Была! Ей-ей, была! — причитает свидетель. Кобэн на него смотрит хмуро и подозрительно, господин Нарифуса раздосадован, Мёрэн задумалась — и послала двух монахинь в обход по тропе: наверх в обитель.

И вскоре сверху послышался отчаянный визг. Все зашумели, Нариакира уже начал было распорядиться теми охранниками, что с ним явились поглядеть на чудо. Только двинулись всей толпой к тропе — а по ней уже спешат обратно обе женщины. Одна по-прежнему голосит, другая, досточтимая Дзюки, сообщает растерянно, но членораздельно:

— А в храме-то её тоже нет...

— Кого?

— Подвижницы Чуткой ко Звукам. Пропала. Вся прочие изваяния целы, а её — нет.

Мёрэн медленно кивает. Столь же медленно поворачивается к Кобэну. Нехорошим голосом произносит:

— Прошу досточтимого наставника объяснить...

— Что я тут могу объяснить? — ворчливо откликается тот. — Рано или поздно такое должно было случиться, при вашем-то нерадении...

— И... не без рвения твоих прихожан? Время ты выбрал удачно, спору нет. Но я бы назвала это кражей и осквернением святыни.

Досточтимый Кобэн набрал побольше воздуха в грудь. Потом выдохнул, коротко заявил.

— Я такого не приказывал. И насчёт времени — ошибаешься. Более чем неудачное оно. У вас кто сторожил?

— Да, сдаётся мне, те же молодцы, что и у тебя, — говорит Мёрэн и поворачивается к Дзюки:

— Сторожа на месте?

— Там. Говорят — ничего не видели, а внутрь кумирни не заходили.

Кобэн помрачнел ещё больше, глянул исподлобья и молвил:

— Так. Прошу проследовать со мною в Лотосовую обитель — убедимся, что изваяния там действительно нет. В виде исключения — даю дозволение на вход и мирянам. И если пропажа подтвердится — прошу пожаловать затем к нам, в храм Золотого Света. Потому что ежели изваяние не только украли, но и к нам оттащили — это уже более чем рвение прихожан. И цели такого злодеяния предположить несложно. Пойдёмте взглянем. Очень надеюсь, что я ошибаюсь.

Отправились. У ворот стоят два вооружённых молодца — одного из них Асано Иэнори точно видел накануне среди разбойников. Как оказалось, это и есть сторожа. И твердят, что ничего не видели, даже сияющего света. Никто в храм с утра не заходил из посторонних.

Но в кумирне изваяния Чуткой ко Звукам и впрямь нет. И во дворе, и в кельях, и под башней. Монахини бросились проверять, что ещё пропало. Нет, вроде всё на месте: и книги, и утварь, и припасы.

Если бы Иэнори был сыщиком, он бы сейчас предался горьким сетованиям. Потому что миряне, конечно, вошли в ворота после монахов, и ни о каких следах похитителей речи уже идти не могло: всё уже истоптали и продолжают топтать. Сотня досточтимых, не шутка! Всё же он прошёл к месту, откуда спускали корзину, глянул. Корзины сейчас, конечно, нет, а сверху ещё лучше видно, как досталось злополучной

сосне: не только ветви обломаны, но ближе к вершине и кора с одной стороны словно стёсана.

Что более важно: никаких признаков недавнего чуда он тоже не ощутил, ни тут, ни внизу. Только вода у запруды сильнее, кажется, шумит, чем в прошлый раз. Но зачем кому бы то ни было топить святое изваяние в пруду? На всякий случай поднялся и туда, посмотрел — ничего не видно, вода по-осеннему мутна.

Подошёл господин Нарифуса, мрачно заглянул вниз, покачал головою. Молвил:

— Ну, пойдём к Золотому Свету.

Надо сказать, что надежды досточтимого Кобэна отчасти оправдались: изваяния Чуткой ко Звукам в его храме не обнаружилось. Как, увы, и подвижника Земляной Утробы, что стоял со своим посохом, блистая позолотой, ещё утром на месте, по свидетельству всей братии. И опять же — здесь охраны было вдвое больше, происхождения она явно того же, но клянутся, что ничего не видели и не слышали с тех пор, как наставники отправились к управе.

Настоятель Кобэн переглянулся с настоятельницей Мёрэн — на этот раз скорее растерянно, чем гневно. Она хмурится, но тоже молчит. Монахи суетятся, осматривая обитель — но и тут, кроме изваяния, ничего не пропало. К большому облегчению старого книжника, надо сказать. Кобэн, однако, не сдался и разослал по окрестностям нескольких монахов — продолжать поиски. Но никому из поселян — ни слова!

Господин Нариакира подошёл к столичному чиновнику. Безмолвно поднял бровь, словно спрашивая: и что всё это значит?

Асано рад был бы задать встречный вопрос. Ты лучше меня знаешь Барамона. Так вот: когда он сказал, что обо всём со мною договорился, хотя никакого договора перед тем не заключалось, — что он мог иметь в виду?

Наоборот

Асано Иэнори, служащий Обрядовой палаты

По правде говоря, я не знал, что предложить досточтимым сегодня утром. Кроме как признать, что моих полномочий недостаточно, и посоветовать отправить в Столицу кого-нибудь из того и из другого храма, для разбирательства в Обрядовой палате. Сочинил длинное вступление, чтобы деловая часть не звучала столь просто. И, выходит, дал достаточно времени ворам — если считать, что обители ограблены.

Сторожа отмалчиваются — не удивительно, если изваяния выносили их же дружки. Возможно, ещё сами и помогали. Моё послание сработало: все, кто несет монашеский сан, действительно явились на перекличку, в храмах оставалась только охрана, Барамоновы люди. По крайней мере, теперь можно считать доказанным: если тут и жили самочинные монахи обоего пола сверх списков, то они либо попрятались, либо действуют в полном согласии с разбойниками. О пропаже кого-нибудь из служек настоятель и настоятельница пока не заявляют. Не знаю, могу ли я отсюда сделать вывод, что грабители хотя бы никого не перебили. Из тех, кто, может быть, мешал похищению изваяний.

И что мне делать теперь?

Чуткая ко Звукам и Земляная Утроба — медные, примерно в человеческий рост. Сколько нужно людей, чтобы так быстро унести одновременно два такие груза? Как-то их в своё время подняли в храмы, значит, и вынести едва ли было невозможно. Если действовать двумя большими толпами и слаженно, хорошо знать местность, точно рассчитать

всё заранее... И обладать редкой наглостью. И удачей. Ну, и привлечь сообщника из Столицы, да к тому же втёмную. Всё это вместе указывает на Барамона, по-моему, сомнений нет.

Дед мой сказал бы монахам: ищите... С видом: ну вот, теперь у вас есть занятие поважнее взаимных ябед. И никто бы не сомневался, по чьему велению исчезли изваяния. А отрехшийся государь, боюсь, объявил бы: чудо! Ласково расспросил бы ещё раз дровосеков, припомнил схожие случаи из преданий... А наедине мне потом объяснил бы: должна же быть польза и от воров.

Но почему именно эти два изваяния? В обителях есть ценная утварь, есть книги. Их, правда, трудно сбыть здесь в горах, но изваяния вовсе сбыть невысказано, разве что распилить и переплавить. Слышал я от бывшей супруги, что отец её как-то раз в другом горном краю обнаружил целый монетный двор... Или разбойники собираются требовать выкуп? Уж не знаю, припасами или услугами. Примиритесь, мол, — если Барамон и вправду за примирение монахов с монахинями, — тогда и получите обратно своих святых подвижников... А не то я их у себя в пещере поставлю и буду молиться без вас!

Конечно, храм и без главного своего изваяния останется храмом. А вот останется ли настоятелем настоятель, не уследивший за кумирней, — кто знает? Недаром Кобэн и Мёрэн первым делом заподозрили друг друга.

Но, как бы то ни было, сейчас надо решать: как выручить похищенное? Идти к Барамону — если я дорогу найду — и просить похорошему? А он мне: что там за слухи твой парень распускал насчёт помилования? Желая, мол, быть приглашён в Столицу и зачислен на Государеву службу. В Обрядовую палату. Сам видишь, мол, я с монахами умею управляться... Или уж в Полотняный приказ. Под именем Хокумы Масахиро: пусть считается, что ему пришло прощение и предписание вернуться к сыскным обязанностям. В конце концов, пострадал он ещё при прежнем правлении, не исключено, что за правду пострадал-то...

Но если серьёзно: как рассуждал бы на моём месте Полотняный сыщик? Допустим, к Барамону меня вели кружным путём и даже обратно не совсем напрямик. Но я точно знаю: разбойничье логово — вверх отсюда, а не вниз. Едва ли изваяния уже туда дотащили. Если их вообще не спрятали где-то ближе к храмам. Или в самих храмах. В Лotosовом пруду и — где бы тут могли? В темнице, куда чуть не заперли в прошлый раз досточтимых монахинь? В выгребной яме? Или какие здесь есть укромные места?

Опять шумят. Нашли виноватых, что ли?

— Прошу представителя Обрядовой палаты свидетельствовать, — говорит досточтимый Кобэн. — Пропажа найдена... кажется. Хотел бы я знать, что это, собственно, было.

Один из монахов, отряжённых на розыски, провожает нас к реке, к одному из водопадов. Будто бы он только что видел оба изваяния там, на берегу, и то же самое видели ещё двое монахов, они остались сторожить на месте. На всякий случай.

И как? Мы спустимся и опять ничего не найдём?

Святые подвижники уходят из нашего мира. Последние времена. Только бы не к этому всё свелось! А ведь я не знаю, сколько тут тайных последователей наставника Этибо осталось...

Речка здесь течёт шумно, из воды камни торчат. Сторожа-монахи, едва завидев нас, машут — ну хорошо, что не падают покаянно ниц, это обнадеживает. Ближе к берегу, к обрыву тропа ровная — даже до странного; а вот по обочинам трава измята и кусты обломаны. Край обрыва слегка осыпался, а под ним — и впрямь, сияют золочёная макушка подвижника и венец подвижницы.

Спуститься к воде тут непросто, но досточтимый Кобэн двинулся без колебаний. Я — за ним, на всякий случай — след в след.

— Наставник! — окликает один из сторожей. — Там...

Да мы уже видим, что — там. Под сенью изваяний устроились две монахини под покрывалами: тоже караулят. Ну да, ведь досточтимая Мёрэн и её спутницы покинули храм Золотого Света уже давно, как только убедились, что и его постигла та же беда, что Лотосовый.

Берег неровный, изваяния слегка покосились навстречу друг другу. Словно ушли из своих обителей на свидание, грех сказать. Кстати, да: действительно, Чуткая ко Звукам сейчас обращена лицом к храму Золотого Света, а Земляная Утроба — к Лотосовому.

Кобэн почему-то подозрительно вглядывается в волны. Я тоже посмотрел: там между камнями застряло бревно. Изрядно измочаленное и ободранное.

Затем настоятель переводит взор на меня. Воздевает руки и вопрошает вполголоса:

- Но зачем?..

Всё-таки, кажется, он не такого уж низкого мнения о возможностях чиновников Обрядовой палаты. Я загадочно промолчал — да и что тут ответить?

Сверху показалась голова господина Нарифусы. Выражение его лица истолковать непросто, но, похоже, он ожидал худшего. А вскоре подоспела и досточтимая Мёрэн со свитой. Сейчас опять начнутся взаимные поклёпы...

Нет. Помогите мне боги и будды. То есть — если я сейчас неладное скажу, пусть я сорвусь вот в эту речку на камни.

— Ты, досточтимый настоятель, призвал меня в свидетели? Я готов. Как я вижу и заявляю, здесь при Водопадах ныне явлено знамение. Не чудо, нет. Примет чудесного я не чую, пусть меня поправят здешние жрецы, если ошибаюсь. Но знамение несомненно. Кто-то вынес из кумирен святые изваяния и переправил их сюда. Кто бы это ни сделал и каким бы замыслом ни руководствовался, ему это удалось. И сие, по-моему, достаточно ясно говорит: в обеих обителях дела идут нехорошо. Во-первых, некому было пресечь бесчинство. Почему? Досточтимые по моей просьбе собрались к уездной управе на собрание. Но я сам видел: храмы не были оставлены без присмотра. И мы все убедились, каков этот присмотр. Отчего так? Я скажу: от взаимного недоверия сверх всякой меры. И ты, досточтимый, и ты, досточтимая, не просто вынуждены мириться с соседством горных удальцов: вы полагаетесь на них, ищите в них союзников. Друг против друга. Во-вторых, наставники немедленно начали искать виновных среди учениц, а ученицы — среди наставников. Если бы не эта трата времени, мы все, возможно, застигли бы похитителей, ещё пока изваяния были у них в руках. А теперь... Есть ли у тебя, наставник, или у тебя, наставница, хоть малая надежда услышать от ваших прихожан, от ваших самозванных защитников правду — зачем они это устроили?

— Показывают, сволочи, кто тут хозяин, — говорит Кобэн.

Мёрэн молчит, смотрит на меня. И кивает.

— Это в-третьих, досточтимые. Заявлять хозяйские права, думается мне, имеет смысл перед теми, кто сам на такие права притязает.

Тяжёлый вздох слышится оттуда, где стоит господин уездный начальник. Он-то с самого полудня в управе не был, ещё не видел, всё ли цело в его хозяйстве... Впрочем, я думаю — цело.

Но я продолжу:

— И вот вам итог. Как действует народ — это ведь тоже знамение, не худшее, чем речи одержимых и знаки светил. Изваяния несло множество людей, иначе ничего бы не получилось. Мне думается, их

можно считать народом. Я толкую так: слишком надоели здешнему горному народу распри двух храмов. А по тому, что вижу сейчас перед собою, я бы решился сказать: и святым подвижникам это уже надоело. Иначе — никакая сила бы их не сдвинула с удобного им места. Примеры тому вам всем известны. Или — было бы чудо. Я слышал рассказы о том, как в верхний скит было поднято тамошнее изваяние. Если бы сегодняшние носильщики действовали против воли богов — не сомневаюсь, здесь, на Водопадах, они бы не преуспели.

И опять, вопреки ожиданиям, возражений не слышно.

— Что же делать? Я бы предложил: вам, досточтимые монахини, дать приют страннику Земляной Утробе. А вам, досточтимые монахи, предложить гостеприимство Чуткой ко Звукам.

— Наоборот! — поправляет меня Мёрэн.

— Именно: наоборот. Подвижника и подвижницу поменять местами. Наставникам перебраться в храм к ученицам, а им дать место у себя в обители.

— Но зачем? И как же книги, картины, утварь...

— Отвечу в обратном порядке. Необходимые книги и прочее досточтимые возьмут с собою. А что сочтёте возможным — оставьте пока на прежнем месте.

— Им? — рычит Кобэн.

— Им. А досточтимые монахини — вам.

— Есть ли у тебя полномочия для такой... такого...

— Вот к этому вопросу я и перехожу. Полномочий на то, чтобы навести в ваших обителях порядок, у меня недостаточно. Но их хватает для другого: предписать каждому из храмов направить в Обрядовую палату избранных представителей для ведения тяжбы уже очной, перед столичными чиновниками и старейшинами общины Облачной страны. Думаю, обеим обителям найдётся, за что держать ответ — и отнюдь не только друг перед другом. Нарушения Устава очевидны, а уж что касается ваших защитников...

Кобэн прищуривается, мрачно и неучтиво смотрит мне в лицо:

— Даже так?

— Может выйти, что даже так. Вы же и в этом друг друга обвиняли в ваших доносах. Уничтожать их нельзя, да и поздно — противни с них в Палате сняты. Кроме того, та мера, о которой я сказал ранее, позволит мирским властям беспрепятственно и не нарушая Устава посетить водосборные сооружения и проверить их состояние. Соответствующий запрос от зрителя плотин уже сделан.

— Ну, — неторопливо произносит Мёрэн, — ради водной безопасности для этих чиновников можно было бы сделать исключение...

— Полагаю, разных исключений и отступлений от правил за последние годы было сделано уже довольно. Сколько именно — вы оба, несомненно, подсчитали ещё сегодня утром. Чем меньше их будет впредь — тем легче пройдёт для вас разбирательство в Обрядовой палате. Особенно если окажется, что вы способны не только обвинять друг друга, но и защищать.

— Не уверен, — говорит настоятель, — что я преуспею в последнем...

— Я тоже не уверен. Но, думаю, попытаться стоит. Жалко будет, если такие собрания драгоценностей, как обе ваши обители, окажутся разрознены и разбросаны по разным храмам страны. Хотя найдутся, безусловно, и те, кто сочтёт такой шаг оправданным и полезным.

— Ах ты... — взревел Кобэн, даже подавшись вперёд. — Так вот зачем тебя послали из Облачной Рощи!

— Никоим образом. Напоминаю, я мирянин и послан ныне Обрядовой палатой.

Досточтимая Мёрэн усмехается — почти незаметно. Что ж...

— Однако не сомневаюсь, наставница, что и среди ваших монахинь найдутся столь учёные и прилежные, что их рады будут принять обители близ Столицы, посещаемые самыми знатными прихожанками.

Выражение лица настоятельницы сразу стало постным, а одна из монахинь-сторожих заёрзала. Кобэн отрывисто спрашивает:

— Так. Дальше?

— Увы, ни на что иное у меня действительно нет полномочий. Всё, что я мог — это побудить вас напомнить себе Уставы и дать совет. Следовать ему или нет — решайте сами. Но в Столицу ехать придётся.

— Если вы закончили, — подаёт голос сверху уездный начальник, — то пойдёте в управу. Подкрепитесь, пожертвования примите. А при святых изваяниях я оставлю караул. Казённый.

Не жалею

Иэнори из дома Асано

На самом деле я вовсе не был уверен, что замысел с обменом храмами осуществится. Дело это хлопотное, за время подготовки можно найти много возражений, пусть даже они сразу и не пришли в голову настоятелю и настоятельнице. Однако уже вечером того же долгого дня я услышал от Сандзы: у Нарифусы в людской обсуждается отнюдь не знамение, но чудо. Будто бы Чуткая ко Звукам и Земляная Утроба сами сошлись на берегу, чтобы обсудить дела своих храмов, без какого-либо человеческого участия, и договорились поменяться местами. Потому-то изваяния и смотрели каждое — в сторону обители другого. А на следующий день мне уже своими ушами довелось услышать разговоры о том, что в совете на берегу принимали участие не только двое подвижников, но также Отрок и Дева, или бесчисленные Отроки и Девы: они-то, собственно, и подсказали, что надо делать. Так или иначе, чиновник Обрядовой палаты смог убедиться: было чудо или не было — в этих местах решает не он. Что ж, Небо говорит устами народа, как учат заморские мудрецы.

И переезд начался. Конечно, поднимать изваяния в гору — сложнее, чем спускать их же к реке; но всё равно можно только изумляться, как меньше чем за полдня их сумели не только перетащить, но и следы в основном замести. До новых своих обителей Чуткая ко Звукам и Земляная Утроба добирались полтора дня — при том что и монахи старались, и миряне, а особенно усердствовали незадачливые сторожа. И то поломали кустов на пути и исколдобили тропы куда сильнее, чем похитители.

Но едва ли не раньше, чем изваяния заняли свои новые места, в обоих храмах начались обсуждения того, кто из монахов и из монахинь отправится в Обрядовую палату. Меня, конечно, на совещаниях не было. Однако раз уж я отдал предписание — наверное, мне бы и следовало сопроводить посланников в Столицу? Или, наоборот, лучше отправиться первым и известить об их скором прибытии?

Досточтимая Мёрэн, говорят, твёрдо сказала, что сама не поедет. Узнав об этом, наставник Кобэн заявил, что коли она останется тут, а он отправится в дальний путь — ничего хорошего на Водопадах ожидать не приходится, так что он тоже отрядит других достойных представителей из своего храма. Сколько времени займёт отбор этих достойных — угадать непросто. А пока из обители в обитель носят утварь, книги и всё прочее. Хотел бы я знать: сочли ли необходимым поменять местами и разбойничьи припасы, то есть жертвования обоим храмам?

Кому своей затеей я доставил больше всего хлопот — это досточтимому Сэйсо. Полный переучёт храмового имущества, сверка списков, отдельно приходится решать, куда девать неучтённое... Так обычно и бывает: помимо Барамонова добра в обителях нашлось немало непонятно чьих подношений, в том числе громоздких и ценных. А про некоторые даже неясно уже, что это такое. Например, колода со странным запахом, заготовлена, возможно, была для ваяния, породу дерева знатоки определить не смогли. И это — не говоря об оружии, знамёнах разных родов войск и тяжёлой посуде, не нужной для готовки постных кушаний. Придётся мне, когда вернусь, посмотреть по столичным грамотам: не пропало ли что-то подобное в тех местах, откуда сюда переводились монахи и монахини. Особенно что касается приграничья и мятежных областей.

Сэйсо как человек учтивый пригласил бывшего распорядителя Облачной рощи посоветоваться. Вдруг я придумаю, на что употребить большой котёл или по какой статье провести китайский самострел.

Как раз когда мы всё это обсуждали, явились две монахини из Лotosовой обители. Я хотел было удалиться, но досточтимый Сэйсо остановил:

— Это всё по тому же делу.

И пригласил монахинь в дом. Неловко разговаривать в такой тесноте, но я остался. Потому что это оказались Дзюки и Киндзи.

— Вот у вас, — обратился к ним распорядитель, — обнаружена неучтённая рукопись. Двести девяносто листов, не склеенных. Про учеников Просветлённого. Мне сказали насчёт неё с вами потолковать. Для начала: как она называется?

И берется за кисть, чтобы записать.

Монахини переглядываются. Дзюки подозрительно косится на меня, а Киндзи говорит:

— Но эта книга не завершена!

— Порядок есть порядок. Так и пометим: неоконченная. А когда допишете, окончание отдельной строкой внесём. Но заглавие нужно уже сейчас.

— Может быть, «Предания о пятистах подвижниках»? — спрашивает Дзюки у подруги. Та уточняет:

— «...о пятистах подвижниках Индийской земли». Чтобы путаницы не было.

— Хорошо. Можно так и указать, досточтимый. А кто тебе про неё сказал?

— Да я её сам видел. Кстати: если там уже больше листов, то скажите, сколько.

— Нет, всё точно. В последние дни нам не до того было.

— Вы в другой раз Устав-то соблюдайте. Если берётесь за работу, да ещё такую большую, докладывайтесь начальству. А то мне настоятельница ваша говорит: сама, мол, ещё не читала...

— Это не вполне так, — Киндзи скромно опускает глаза.

Дзюки подхватывает:

— Мы тоже думали, что досточтимая Мёрэн про это не знает. А тут она нас вызвала вчера и велела: нужна глава о совместном рвении, что помогает преодолению розни в Общине. Где вы такое возьмёте, говорит, ваше дело, но чтоб такой рассказ был!

— Бумагу заранее закажите, — кивает Сэйсо. — У вас, понятно, дарители щедрые, только так тоже нельзя: кто по нашим дорогам с бумагой ездит, у тех она обычно для дела, не просто так. И кабы ваши благодетели только чистую отбирали... Я рукопись просмотрю, если на изнанке листов казённые записи увижу — изыму, имейте в виду.

Тут я не мог не вклиниться. Заявил, что готов преподнести на благое начинание свой запас бумаги. В самом деле, извёл я её тут немного, не в Столицу же обратно везти.

Монахини поблагодарили, но уходить не торопятся. Сэйсо при них продолжил обсуждать имущество Лотосового храма. Дзюки даже смогла кое-что уточнить насчёт пожертвований семьи Мидзуно. Я слушал невнимательно.

Думал: а может, и правда поселиться тут у младшей родни Конопляного дома? Если чем-то мне в ближайшие годы и хотелось бы заняться — то вот этим: последить, как пишется книга про Почитаемого в Веках, если получится, то и самому для неё предложить какие-то примеры... Впрочем, разве подобного не бывало прежде? Познакомился в Облачной роще с монахом Нэхамбо, стал мечтать: вот хорошо было бы вместе с ним сочинять проповеди. А ещё был Облачный Богатырь: служба помощника по земным делам для одного из богов тоже выглядела заманчиво. Но не напросился ни туда, ни туда. Вывод? Найди уж себе, Асано Изнори, какое-нибудь собственное дело, а не пытайся пристроиться к чужим.

От досточтимого Сэйсо мы с монахинями вышли вместе. Дзюки спросила:

— Ты, наверное, уже скоро возвращаешься в Столицу?

— Похоже, что так. По словам распорядителя, ваших выборных пришлось бы ждать ещё не меньше месяца. За это время меня хватятся, пришлют сюда из Обрядовой палаты. И боюсь, как бы не пришлось всё разбирательство начинать заново.

— Не меньше месяца — это в лучшем случае. А там и зима начнётся, перевалы закроет. К Новому году, авось, договорятся, весной поедут. Так вот. Тебя Киндзи хотела попросить...

И подталкивает подругу под бок. Та говорит:

— Или вовсе не договорятся, а окончательно поссорятся... И тогда, как ты сказал...

Киндзи медлит, Дзюки продолжает:

— В общем, если нас всех станут рассылать по разным обителям, можно как-нибудь похлопотать, чтобы досточтимую Киндзи не переводили в столичную округу?

Ну вот. А как же двор, как же дамы, любительницы изящной словесности?

— И чтобы вас не разлучали? — спрашиваю я.

— Тоже хорошо бы! Но главное, чтоб не в Столицу и не на тамошнюю реку.

— Понимаю. Твой отец, досточтимая... Но я надеюсь, до разгона обителей всё же не дойдёт.

— Многие ныне, выйдя из дому, не порывают на самом деле с роднёй, — молвит Киндзи. — Но есть такие дома: как выйдешь оттуда, лучше не оборачиваться. Господину Сандзё не нужно знать, что ты меня видел.

Это она о брате. Видимо, считает неправильным, что тот не возражал, когда заглохло разбирательство по делу о гибели её жениха, а смерть отца списали на несчастный случай. Сандзё действительно не возмутился, а вскоре получил новый чин и повышение по службе.

Начал бы Сандзё вдаваться в подробности — и сам бы несдобровал, и вся семья, насколько я знаю. Но объяснить этого досточтимой не возьмусь.

— А сочинительницы? Госпожа с Третьей заставы, Плакучая Ива, Полуночница, Пересмешница и другие, кто, я так думаю, рад был бы вестям от госпожи Метели?

— Я же уже не Метель. Я та, что Держится Твёрдо.

Да — Киндзи. По названию одной из глав Лотосовой книги.

— Впрочем, — добавляет она, — я с дозволения досточтимой настоятельницы иногда переписываюсь с одной престарелой монахиней... Она, похоже, часто бывает в придворном кругу и уж насчет новых повестей знает всё.

Ох. Кажется, моя бывшая супруга тоже с этой особой знакома. И лучше её не называть: в одном лице и старушка, и монах, и младший воевода, и — страшно молвить — вторая супруга Властителя земель.

То есть вести отсюда Государь получает напрямую, из первых или вторых рук. Я в любом случае не смогу доложить ничего нового. Такова, стало быть, судьба, итог прежних моих деяний: выяснять для кого-то что-то, уже ему известное?

Остаётся утешиться тем, что я, возможно, изложу всё то же самое, но менее пристрастно.

Всё равно не жалею, что побывал на Водопадах. На родичей поглядел, встретился с Дзюки и Киндзи. И даже баснословного разбойника Барамона воочию видел.

Хотелось бы мне, когда нынешняя моя жизнь бесславно кончится — и если кто-нибудь станет обо мне жалеть — чтобы этот человек где-нибудь в горах повстречал загадочную особу, пусть не разбойника, а отшельника или уж не знаю кого, и озадачился бы: а это, случаем, не покойный ли Иэнори из дома Асано?

Столица

— Стало быть, ни настоятеля, ни настоятельницу там никто не подменял? Просто — далеко зашедшая распря между храмами?

Асано Иэнори сидит у родича своего Наммы — сегодня, по возвращении в Столицу, удалось застать того дома, на П улице.

— Да, и досточтимый, и досточтимая вполне подлинные и неподдельные. К счастью или к сожалению — трудно сказать. Но, надеюсь, расставаться им настолько не хочется, что даже враждой своей ради этого они готовы отчасти поступиться.

— Почему-то, — вздыхает Намма, — все эти истории вокруг старых стихов обычно одновременно очень трогательные и очень глупые...

Иэнори понимающе кивает. Единственный сын господина Наммы, кажется, только что влип как раз в такую историю о старой песне — и уехал из дому.

— Северных наших родичей ты, как я понял, тоже повидал?

— Да. Господин Нарифуса и его сын, по-моему, замечательно подходят для службы в тех краях. Настоящие горцы! Господина смотрителя плотин я тоже посетил. Как уже говорил, у него много хлопот как раз из-за этих двух обитателей, но теперь наметился путь к решению вопроса.

Гость замолчал, хозяин ждёт.

— Родню нашей Северной ветви я видел, с двоими говорил: с сестрою твоего сослуживца и с его дядей-монахом. Он мне, кстати, очень помог. Что до сестры, супруги смотрителя плотин... Она и муж ее до сих пор боятся столичной родни. Я, как мог, попробовал их успокоить. У них растёт сын, кажется, способный мальчик.

Намма кивает.

— Но вот чего я раньше не знал. В семье Хокума уже много лет — тяжкий разлад. Не кровавая распря, но взаимные обвинения — упорные и отвратительные. Достаточные, чтобы Масахиро, пока служил в Столице, никаких связей с Водопадами не поддерживал. И если бы сведения,

дошедшие до главы дома, а от него до нас с тобой, оказались ложными, если бывший сыщик Хокума не погиб по дороге в ссылку — я уверен, он предпочёл бы исчезнуть, лишь бы не возвращаться в родной дом.

— Винят ли они столичных родичей в своих бедах?

— Нет. Винят они друг друга, живых и мёртвых без разбора. А нами они друг друга пугают и страшат. И сами верят в то, что выдумывают, и это хуже всего.

Средний советник печально склонил голову. К счастью, подробнее расспрашивать не стал.

В дворцовом саду меж алых клёнов прогуливаются двое. Видно, что младшему непросто подстраиваться к неспешному шагу прадеда. Но он старается — и успешно.

— Я не сомневался, что так или иначе, эта поездка себя оправдает, — молвит Властитель Земель.

— Я — сомневался, — отвечает глава Обрядовой палаты, — но, может быть, и напрасно. Вдали от Столицы у Иэнори вполне получается принимать своевременные и довольно дельные решения, а не медлить и не мямлить, как тут. Привычки, в том числе и дурные, поддерживаются самой окружающей обстановкой.

— На Подступах, как и в любом краю Облачной страны, хватает такого, что может поддерживать и создавать дурные обычаи. Но это иные обычаи, чем здешние, и чтобы ими обрести — надо провести в том краю немалый срок. Большой, чем обычно пребывает на одном месте чиновник для особых поручений, — улыбается Государь.

— И ещё одно, — добавляет Конопляный господин. — Похоже, что моему внуку не столь полезно видеть отборных монахов Облачной Роши, сколь быть свидетелем различных храмовых безобразий. Пример брать у него получается хуже, чем пытаться поправить то, что разваливается. Как ни странно, именно это может оказаться для него подходящим занятием. Особенно учитывая, что ему не потребуется при этом ежевечерне давать отчёт и думать больше о нём, чем о сути дела.

— А помимо прочего, это — хороший способ научиться доверять богам, — легко откликается Государь. — Потому что кому же ещё может наш родич довериться в таких разъездах? Не местным же мошенникам и разбойникам.

И смеётся.

— Ну хорошо, — прерывает сына Селезень, служилый человек семьи Асано, — а сам-то ты этого Барамона видел?

У самого Селезняка — богатое прошлое. И то, что рассказывает мальчик об атамане с Водопадов, пока больше похоже на уличные байки.

— А ещё бы! — отвечает Сандза. — Уже незадолго перед тем, как мы назад отправились. Господин ушёл к монаху по соседству, тоже явно из той шайки старику. А меня, как обычно, оставил сторожить ларец с печатью и тайными грамотами. Я и сторожил, только по нужде и отлучился, возвращаюсь — а Барамон прямо тут, в управе сидит, возле самого ларца! Росту в нём — сажень, усы — до ушей, сабля под платьем схоронена, а само платье — и вовсе небывалое. То есть, значит, он хотел, чтоб на этот раз не под чужой личиной говорить, а настоящее лицо явить. Мне.

— И что дальше?

— А дальше не совсем хорошо вышло. Потому что он спрашивает: а где помилование? Я ему: какое помилование? А он: государево, мол, о котором ты уже по всему посёлку раззвонил. Тут я даже струхнул немножко. Кланяюсь, причитаю: прости, батюшка Барамон, нет тебе никакого помилования, это всё была хитрость, чтоб господина монахи не

прикончили! Но мы, как в Столицу вернёмся, до самого Властителя Земель дойдём и такую бумагу испросим! А он ухмыляется — и зубы у него как у людоеда! — и говорит: ну нет — и не надо, обойдусь как-нибудь.

— Дельный человек, — почёсывает скулу Селезень. — И ушёл?

— Нет, лучше! Мы потом с ним целый час сидели и толковали о том, кто сейчас первые десять разбойников Облачной страны. Я много нового узнал...

— Ну-ка, ну-ка?...